

Виктор Овсянников

КОРНИ И КРОНЫ

Фрагменты истории Сибири в лицах одного
сибирского рода (документальное историко-
генеалогическое исследование)

Виктор Овсянников

**Корни и кроны. Фрагменты
истории Сибири в лицах
одного сибирского рода
(документальное историко-
генеалогическое исследование)**

«Издательские решения»

Овсянников В.

Корни и кроны. Фрагменты истории Сибири в лицах одного сибирского рода (документальное историко-генеалогическое исследование) / В. Овсянников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962077-4

Автор книги — архитектор, социолог, художник. Книга явилась результатом 40-летнего труда по изучению возникновения и развития красноярского рода Нашивошниковых — предков автора по отцовской линии — на протяжении более 400 лет. Автором впервые установлена связь рода Нашивошниковых с родом художника В. И. Сурикова. Удалось обнаружить неизвестные ранее сведения о роде Нашивошниковых-Суриковых с конца 16 века, а также происхождение сибирской фамилии Суриковых. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-962077-4

© Овсянников В.
© Издательские решения

Содержание

1. Вместо предисловия. «О СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ...»	6
2. СОБЫТИЯ И ЛИЦА КОНЦА СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА	15
3. МЕТАМОРФОЗЫ ФАМИЛИЙ. ОБРАТНЫЙ ХОД – ОТ НАЧАЛА ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА К НАЧАЛУ СЕМНАДЦАТОГО	31
4. СКАЗКА ПРО ИВАНА ИЛЬИНА СЫНА НАШИВОШНИКОВА	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Корни и кроны Фрагменты истории Сибири в лицах одного сибирского рода (документальное историко-генеалогическое исследование)

Виктор Овсянников

© Виктор Овсянников, 2019

ISBN 978-5-4496-2077-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автопортрет 2018 (ВО)

*Леса роняют кроны.
Но мощно под землей
Ворочаются корни
Корявой пятерней.*

А. Вознесенский¹

---

¹ А. Вознесенский. Антимирь (Избранная лирика). М., 1964, с. 123 («Кроны и корни»).

1. Вместо предисловия. «О СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ...»

«... дистанция в триста лет, этот невообразимо долгий срок, на самом деле гораздо ближе, чем нам кажется. Цепочка поколений совсем коротка, она протягивается из современности в прошлое без особенного труда.»

Б. Акунин.²

Кто-то из великих сказал, что каждый человек может написать хоть один роман – о своей жизни. Пожил я славно и не мало. Чем только не занимался в разные годы! Как-то решил посчитать и оказалось, что в той или иной степени овладел не менее, чем тридцатью профессиями и видами деятельности. Писал воспоминания и дневники о некоторых интересных событиях и периодах жизни, о далёких путешествиях по Сибири и дальнему зарубежью, стихи и прозу. Писал и о близких родственниках, с которыми связано много ярких моментов, отложившихся в памяти. Но сейчас, когда времени для подведения итогов остаётся всё меньше, решил я сконцентрироваться не столько на себе, сколько на том, откуда я такой взялся, кто мои ближние и дальние предки, в которых я с удивлением обнаруживаю важнейшие черты моего характера, свой психотип и своё отношение ко многим жизненным проблемам. Вот и решил подытожить мои долгие изыскания своих корней, своих предков – упорных трудов почти сорокалетнего периода моей жизни, с долгими перерывами на иные занятия и увлечения.

Писал всегда трудно и нудно. В школе по прилежанию и чистописанию имел твердые «тройки». В лучшие годы своей научной деятельности каждая статья давалась с большим трудом. Придумаю оригинальную идею и начинаю обсасывать со всех сторон. Нанизываю на нее, как на новогоднюю елку, разные мыслишки и фактики, оснащаю логическими связями и вытягиваю гирлянду далеко идущих выводов. Долго мучаюсь над каждым предложением, подбирая подходящие слова и выстраивая нужные переходы от одной фразы к другой, от одной мысли к следующей. Иногда выходило неплохо. Многие мои статьи помнились в научных кругах: «А, так это тот самый Овсянников!».

Мы живём не только своей жизнью, но и жизнью близких и далёких предков наших. И вдруг осознаём, что являемся лишь одним из многих листиков на обширном родовом дереве. В каждом следующем поколении, с каждой очередной весной отрастают новые ветви, распускается нежная зелень листы, пока родовые корни живут в нашей памяти...

Большинство людей не знает своих родовых деревьев, а в лучшем случае имеют довольно смутное представление о небольшом кустике с неведомой корневой системой. Хорошо тем, чей род знатный и знаменитый, им легче раскопать свои корни, проследить, как тянулся и развивался фамильный ствол с обозначенными на нём известными историческими персонами. Но это удел немногих. Мне в этом смысле сильно повезло и удалось сделать то, что большинству людей просто не по силам.

В моей работе по поиску близких и дальних предков практически не использовались архивные материалы (кроме публикаций в интернете), церковные метрики и т. п. Лишь однажды воспользовался любезной помощью красноярского краеведа Анатолия Игнатьевича Алёхина, который уточнил некоторые биографические данные моих удалённых предков. С близкими предками было легче. Несколько моих родственников оставили обширные и содержательные письменные воспоминания. Кое-что узнавал в личных разговорах и переписке.

---

² Б. Акунин. Сокол и ласточка. М.2009, с. 600—601

Но главным источником стало для меня множество исторических публикаций, старых книг, которые я прилежно штудировал многие годы в Ленинке, Исторической библиотеке и др.

Велик соблазн окунуться в далёкое от нас время и в по-прежнему не близкий от центральной России регион на стыке Западной и Восточной Сибири – юг нынешнего Красноярского края. Если до сих пор Сибирь полна экзотики, не ведома и не понятна многим жителям европейской части страны, и лишь некоторых, вроде меня, загадочным образом всегда притягивала к себе, то что говорить о той атмосфере исторической патриархальности и «дикости», по нашим просвещённым понятиям, в окружении по настоящему дикой, не тронутой человеком природы! А исторических сведений и достоверной этнографической информации о быте и нравах юга Сибири тех времен до нас почти не дошло. Литература и кинематограф, по-моему, даже не пытались адекватно оценить тот удивительнейший период отечественной истории в этих удивительных же по своей природной красоте местах, даже по меркам Сибири. Да что кинематограф, если даже надёжных исторических сведений об этом крае – крайне мало (извиняюсь за тавтологию)! И это не только мое мнение:

«Минусинский край является частью Сибири, покоренной русскими позже всех других ее окраин... Не посчастливилось Минусинскому округу и в нашей историографии... По истории водворения русских в Минусинском крае в литературе ничего не имеется, если не считать нескольких общих фраз, большей частью, ошибочных...»³

Всё началось очень неожиданно. Интересуясь местами обитания своих предков и чувствуя инстинктивную тягу к этим местам, я однажды случайно встретил и купил два толстых сборника Государственного Русского Географического Общества «Западная Монголия и Урянхайский край», составленных Г. Е. Грумм-Гржимайло. Бегло просматривая их, нахожу:

«Научное изучение Южно-Енисейского края до щек Енисея и Саянского водораздела к востоку и западу от этой реки началось почти одновременно с его занятием⁴, т.к. уже в 1716—1717 годах дети боярские Андрей Еремеев и Иван Нашивошников отправлены были вверх по реке Енисею для разных географических в нем разведок и для выбора мест, удобных для постройки острогов и караулов. Они составили первую карту этого края и при записке, содержащей его описание, представили ее красноярскому воеводе»⁵.

Фамилия Нашивошников (или Нашивочников) сразу заинтриговала меня. Такая фамилия была у моего красноярского прапрадеда – Ивана Ивановича Нашивочникова. И хотя вскоре я узнал, что дочь Ивана Ивановича, Алевтина Ивановна Нашивочникова была «небогатой мещанкой», семейные предания (например, о подаренной Нашивочниковым царской шали) говорили о том, что они были знатного рода. А царские подарки вряд ли делались представителям мещанского сословия.

У меня, естественно, возникли вопросы: кто же такие «дети боярские», и не мог ли Иван Нашивошников из начала 18-го века быть моим предком?

Ответ на первый вопрос мне удалось найти достаточно быстро:

---

³ Ватин В. А. Минусинский край в XVIII веке: Этюд по истории Сибири. Минусинск, типография А. Ф. Метелкина и Ко, 1913, с. 33.

⁴ Под «занятием» этих мест русскими подразумевается их колонизация после во многом таинственного ухода оттуда в начале 18 века воинственных киргизских племен, о чем еще будет сказано ниже.

⁵ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3, вып. 2, Л. 1930, с. 530. (по: В. Радлов. Сибирские древности. Материалы по археологии России. №15, СПб, 1894).

«Дети боярские, разряд мелких феодалов, появившийся на Руси в 15 веке. Дети боярские несли обязательную службу, получая за это от князей, бояр, церкви – поместья; не имели права отъезда. Дети боярские – потомки младших членов княжеских дружин („отроков“) или же измельчавших боярских родов. С образованием Русского централизованного государства большое количество детей боярских перешло на службу в Москву. В 15 – 1-й пол. 16 вв. наименование „дети боярские“ считалось выше звания дворян, часто происходивших от несвободных княжеских слуг удельного времени. В 16 в. дети боярские делились на дворовых (часть верхов господствующего класса) и городских (провинциальные дворяне). Термин „дети боярские“ исчез в ходе реформ в нач. 18 в., в связи со слиянием служилых людей в один класс – дворянство»⁶.

И началось. Я судорожно листал старые книги в поисках этой фамилии, связанной с Красноярском. И к своему удивлению находил много интересного и неожиданного.

Медленно продвигаясь вперед и задерживаясь на разных любопытных фактах и исторических аналогиях, я продолжал свои поиски и находил кое-какие полезные для себя сведения из истории Сибири, Красноярска и детей боярских.

«Сибирские боярские дети были потомки поселившихся в Сибири боярских детей, а потом в это звание были возводимы воеводами, за отличие, нижние чины и даже крестьяне, служившие казаками, без исключения из оклада. Из боярских детей они повышались в звание сибирских дворян городских, а уже из этого звания могли быть возводимы в „дворяне по Московскому списку“. В указах Петра Первого лица этих состояний причислены все к казачьему сословию и запрещено принимать в эти состояния людей податного звания»⁷

На рубеже 17-го и 18-го веков в Енисейской губернии, где находился Красноярск, «...служилые люди получали очень небольшое денежное жалование, но зато имели казенное хлебное и соляное довольствие, даже жалование штатным городским боярским детям было не велико...»⁸ и составляло примерно 7 рублей, 2 пуда соли и вместо хлебного довольствия – пашня.

Все, казалось бы, подтверждало то предположение, что мой прапрадед Иван Иванович Нашивочников мог вполне быть прямым потомком «служилых людей», «красноярских детей боярских», «сибирских дворян городских». А значит, мог быть и потомком другого Ивана Нашивошникова, одного из русских первопроходцев верховий Енисея.

Когда я просиживал многие дни в самой главной советской библиотеке, Ленинке, и старательно «раскапывал» крупницы сведений о тех временах, местах и людях, я поражался яркости, самобытности и почти полной неизвестности этих фактов, имен, характеров и поступков не только для обычного современного человека, но во многом и для историко-географической науки. Многие сведения, встречавшиеся в ранних источниках, терялись в более поздних и, видимо, мало интересовали современных исследователей. А какой пласт жизни людей и окружающей их среды, какой простор для размышлений – аналогий и сопоставлений, исторического, социально-психологического и культурологического анализа и, бог знает, чего еще!

---

⁶ БСЭ, т. 8, с. 148.

⁷ В.А.Ватин. Минусинский край в 18 веке. Эюд по истории Сибири. Минусинск. 1913, с. 54.

⁸ Н.В.Латкин. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. С.П. 1892, с. 425.

«Исторические изыскания» моих записок не стремятся устать историков и краеведов Красноярска. Больше того – я могу ошибаться в деталях. Наконец, я не хочу наскучить тому, для кого история заурядного сибирского города неинтересна. Надеюсь, что кроме личного интереса к своим предкам моих детей, внуков и их потомков, кроме генеалогического интереса потомков других красноярских фамилий, встречающихся в тексте, моя книга будет полезна всем интересующимся сибирской историей и старым бытом. Без ложной скромности скажу, что мне удалось собрать много любопытнейших исторических фактов и подробностей, сейчас почти неизвестных или забытых.

Я пытаюсь восстановить утерянные связи между поколениями лишь одного мало примечательного рода. Не только родственные связи, а связи временные, пространственные, средовые, черт характеров, нравов. Пытаюсь залатать дыры в небольшом лоскутке духовной материи, связывающем отрезок моей жизни с моими предшественниками. Надеюсь, что мой опыт, если он удался, будет интересен еще кому-нибудь.

Упокой, господи, души наших предков, близких и далеких, прямых и кривоколенных! В этой книге будет долгий рассказ о больших и малых героях, о рядовых и малоприметных фигурах длинного сибирского рода.

Чтобы понять логику произрастания моего «исторического древа», описать обнаружение его «корневой системы», мне придётся начать с того маленького исторического открытия, которое я сделал, не подозревая о его последствиях.

Как я упоминал выше, меня интересовали представители красноярского рода Нашивошниковых. Род этот был хорошо известен и упоминался во многих публикациях, прежде всего, в книгах и статьях маститого красноярского историка Геннадия Федоровича Быкони. Однако упоминания эти в его трудах 1970-90-х годов почти не касались начала 18-го столетия.

В некоторых публикациях я встречал скудные сведения о том, что в небольшом тогда городе Красноярске между длительными странствиями по Сибири проживал известный учёный и путешественник петровского времени, приглашённый в Россию немец Даниил Готтлиб Мессершмидт. Я был уверен, что в узком кругу тогдашнего Красноярска визиты этой заморской знаменитости не могли не затронуть моих предков, как я тогда уже знал, не последних людей в городе. В поисках материалов о Мессершмидте, которых оказалось очень мало, я нашёл ссылку на его сибирские дневники, опубликованные тогда, увы, лишь в Германии и непереведённые на русский язык. До сих пор не перестаю удивляться, как такую замечательную книгу, очень ярко живописующую сибирский быт начала 18-го века, так долго не переводили на русский язык!⁹

Разыскав эту книгу, просматривая её и читая в меру моего тогдашнего очень скромного знания немецкого языка, я стал обнаруживать знакомые фамилии. Не стану сейчас подробно останавливаться на заинтересовавших меня фрагментах текста этой книги – они будут приведены позднее при описании периода 20-х годов восемнадцатого века жития моих предков – скажу лишь о главном и самом удивительном.

До этого мне встречались небольшие выдержки из этого труда, переведённые на русский язык и опубликованные в работе Г.Ф.Быкони. Из них следовало лишь то, что немец-путешественник в короткие периоды своего пребывания в Красноярске жил в доме, принадлежащем большому уже тогда семейному клану Суриковых. Каково же было моё удивление, когда я, читая первоисточник, увидел, что Илью, своего хозяина, Мессершмидт сначала называет Суриковым, потом Нашивошниковым-Суриковым, и, наконец, Ильёй Нашивошниковым!

---

⁹ Из изданных сочинений автора 20—30 лет назад было известно единственное: «Forschungreise durch Sibirien 1720—1727», v. 1—4, В., 1962—68, что в переводе с немецкого означает «Экспедиция по Сибири в 1720—1727 годах», в 4-х томах, изданное в Берлине в 1962—68 гг. (далее будут приводиться цитаты из этого труда в моём переводе с немецкого языка – ВО)

Этот загадочный факт оказался первым признаком того, что красноярские роды Нашивошниковых и Суриковых соприкасались и, как оказалось, довольно тесно. Мне, не чуждому изобразительному искусству, было приятно, что к знаменитому русскому художнику я имею, хоть и отдалённое, но некоторое отношение.

Теперь о последствиях этой и некоторых других моих находок. Миновал двухтысячный год, у нас наступил 21-й век, а события трёхсотлетней давности не давали мне покоя. Исчерпав практически все доступные мне тогда исторические источники, я решил обратиться за помощью к безусловному авторитету в сибирской и, особенно, красноярской истории – Геннадию Федоровичу Быконе. Обратился к нему не с пустыми руками. Кроме моих многолетних изысканий с найденными фактами, цитатами из разных источников и собственными размышлениями, я послал ему уникальные воспоминания моей двоюродной бабушки Е.И.Яворской (Овсянниковой), касающиеся событий, обстановки и быта Красноярска второй половины 19-го века. И, конечно, задал ему много вопросов, касающихся рода Нашивошниковых.

Вот это первое письмо Быконе:

Уважаемый Геннадий Федорович!

Следуя нашей предварительной договоренности по телефону, я собрал все имеющиеся у меня материалы, касающиеся красноярских Нашивошниковых. По ходу текста я изложил возникшие у меня вопросы. Прекрасно понимаю, что ответить на них не очень просто и в ряде случаев, наверное, невозможно, но любые Ваши соображения по этому поводу для меня очень важны. Я не знаю большего авторитета в этой области, чем Вы. Если у Вас «под рукой» имеются еще какие-нибудь материалы на интересующую меня тему, и Вы можете мне о них сообщить, я был бы весьма за это признателен.

Заранее благодарю Вас и приношу свои извинения за причиненное беспокойство. Если могу быть Вам в чем-то полезен – я всегда к Вашим услугам.

*С глубоким уважением и признательностью
Виктор Овсянников.
21 февраля 2001 г.*

Через какое-то время я получаю ответ, который меня одновременно порадовал и огорчил. Сначала неприятное. Не помню уже, по каким причинам, но Быконя дал мне понять, что помощи от него мне ждать не придётся. Хотя я предлагал ему даже денежное вознаграждение за потраченные усилия, благо я в то время был вполне материально обеспечен. При этом Быконя очень высоко оценил мои любительские изыскания, сказал, что я совершил несколько важных исторических открытий. Он тогда не уточнил, что это были за открытия, и я узнал о них лишь десяток лет спустя...

В моей работе над родословной случались длительные перерывы, особенно тогда, когда работа не спорилась. Так случилось и в этот раз. Получив отказ от Быкони, я отложил свои бумаги в долгий ящик и почти не обращался к ним. Скоро начался многолетний период моей американской эпопеи, и забот хватало других. Однако, современные средства связи и информации позволяли мне иногда, хоть не на долго, обращаться к моим давним поискам. Теперь, наряду с Нашивошниковыми, меня интересовали родословные дела Суриковых, о которых в далёкой истории тоже было не много известно.

Каково же было моё изумление, когда однажды я через интернет услышал выступление на радио Эхо Москвы своего «давнего знакомого» Г.Ф.Быкони. Изумило меня не столько само его выступление, сколько некоторые детали из него. Большую часть своего рассказа Быконя уделил роду Сурикова и – о боже! – своему открытию связи этого знаменитого рода с крас-

ноярским родом Нашивошниковых! Я услышал, что именно Быконя установил важную связь этих родов (хотя ему тогда тоже малопонятную) и он намерен продолжать активные поиски в этом направлении.

К этому времени стали появляться и другие публикации Быкони, в которых он продолжал повторять о своём открытии и стал уделять больше внимания фамилии Нашивошниковых.

Фамилии Суриковых, как и Нашивошниковых, не встречалась мне тогда ни в одном историческом документе, касающемся Сибири, ранее самого конца 17-го века. И разные домыслы о том, что предки великого художника пришли в Сибирь вместе с Ермаком и т.п., не имели под собой никаких документальных подтверждений.

Но продолжу о своих взаимоотношениях с Быконей. Вернувшись из дальних стран в Москву, я решил-таки выяснить с ним свои отношения, разобраться в принадлежности открытия о связи двух родов. Набравшись смелости и наглости, я написал ему следующее письмо, часть которого, касающуюся нашего конфликта, привожу здесь:

16.11.2017

Здравствуйте Геннадий Фёдорович!

Надеюсь, Вы меня помните. В 2001 г. я отправлял Вам письмо с исследованиями моей родословной по красноярской линии Нашивошниковых со многими собранными мною материалами по этой теме почти за 30 лет и с просьбой к Вам, как признанному учёному, о помощи мне в дальнейшей работе и взаимном сотрудничестве. В ответ я получил очень лестное письмо с комплиментами в мой адрес и признанием, что я сделал ряд очень важных исторических открытий. На этом, к моему сожалению, наше «сотрудничество» и закончилось.

Напомню Вам, что одним из моих открытий была впервые документально установленная связь родов Нашивошниковых и Суриковых (по неопубликованным в России дневникам Мессеримидта). Какаво же было моё изумление, когда я стал встречать в ваших публикациях гордые ваши заявления, что это открытие принадлежит вам. Согласитесь, что это несколько странно для маститого и уважаемого учёного...

Ответ не заставил долго себя ждать. В нём он, естественно, пытается оправдать свой пропуск и умалчивает о некоторых конкретных деталях моих находок. Вот он почти полностью:

Уважаемый Виктор Александрович! Обрадован и одновременно огорчен Вашим письмом. Рад, что Вы объявились, но недоумеваю относительно Ваших обвинений в присвоении Вашей идеи.

Во-первых, Вы говорили буквально следующее: «Дальше о пребывании Мессеримидта в Красноярске в связи с Нашивошниковыми и Суриковыми. Я пытался проследить обе эти фамилии, так как между ними существовала какая-то тесная связь.» То есть прямо Вы тогда не утверждали, что Илья Нашивошников был Суриковым. Во-вторых, поскольку в 2001 году я не занимался специально Суриковыми, то отложил в долгий ящик Ваши 9 листов. Когда же в 2011 г., то есть через 10 лет с издательством «Растр» мы хотели издать юбилейную книгу о Суриковых¹⁰, то я к своему стыду забыл о Ваших материалах, тем более, что в связи с работой над диссертацией моей аспирантки по 2 Красноярской шатости я заказал остальные главы дневников Мессеримидта-Табберта, что также пролило свет на загадку двойной фамилии....

Я виноват, что по недоразумению не сослался на Ваше предположение...

---

¹⁰ Некоторые фрагменты этой книги, вышедшей совсем недавно и важные для нас, проанализированы в последнем разделе моего писания.

Быконя дипломатично умалчивает о том, что я в моём давнем послании к нему указал со ссылками и цитатами об удивительной трансформации фамилии Ильи от Сурикова через Нашивошникова-Сурикова к Нашивошникову и обратил на это особое внимание. Лишь позднее его аспирантка фактически повторила мой путь, и они пришли к такому же «открытию».

Буду заканчивать этот склочный раздел моего писания, который показывает, каким сложным и тернистым был путь поиска моих исторических корней. В подтверждение моего приоритета в описанном выше открытии приведу цитату из сборника по результатам генеалогической конференции, прошедшей в декабре 2003 года в Москве в Государственном Историческом Музее, где я по соответствующей просьбе представлял Красноярское генеалогическое общество:

«Виктор Александрович Овсянников (Красноярское ИРО, Москва) в докладе „Красноярский род Нашивошниковых“ рассказал об этой семье (первоначально носивших фамилию Нашивошниковых-Суриковых) сибирских дворян (детей боярских), его предков, чья родословная восстановлена им с начала 18-го века...»¹¹

Ещё одна курьёзная история случилась, когда я при последнем моём посещении Красноярска в 2000 году зашёл в местный краеведческий музей и стал спрашивать о первой экспедиции за Саянский хребет в нынешнюю Туву в 1717 году по указу Петра Первого, возглавляемой моим предком, сыном Ильи – Иваном Нашивошниковым, красноярским сыном боярским. Каково же было моё удивление, что об этой уникальной экспедиции в современном Красноярске тогдашние краеведы ничего не знали! А результаты этой экспедиции и действия по ним моих предков пошли наперекор желанию Государя и фактически отсрочили присоединение Тувы к России на 200 лет. Но об этих событиях и многом другом будет подробно рассказано в других главах этой книги.

Чтобы понять, почему я в своих поисках далёких предков сконцентрировался на фамилии Нашивошников, а не на собственной фамилии Овсянников, нужно иметь ввиду, что за несколько десятилетий моих поисков я не встретил тогда ни в одном красноярском документе упоминания фамилии Овсянниковых раньше середины 19-го века. И с этого периода фамилия Овсянниковы известна мне по подробным воспоминаниям моей двоюродной бабушки Евдокии Ивановны Яворской (Овсянниковой) и некоторым семейным реликвиям.

Лишь сравнительно недавно я встретил мою фамилию в одном старинном документе «Перепись города Красноярска и его уезда 1719—1722. М. 2014». На странице 71 сказано:

«Двор пешего казака Михайла Овсянникова. И он, Михайло, под опасением смертные казни сказал: он, Михайло, – двадцати восьми лет. Братей у него Семён – двадцати семи лет, Степан – пятнадцати лет. А будет /он/ Михайло, сказал что ложно, и за такую ево л/ожную/ скаску указал бы Великий Государь казнить смерт/ью. К сей/ скаске по велению Михайла Овсянникова Андрей Посп/елов/ руку приложил.»

Поскольку фамилия Овсянников больше не встретилась мне в исторических документах, связанных с Красноярском и другими сибирскими городами, ни более раннего, ни более позднего периода до середины 19-го столетия, я не могу уверенно считать Михайла Овсянникова своим далёким предком. И хотя эта фамилия была широко распространена на Руси (от прозвища Овсяник – овсяный хлебец), вероятно, её носители не имели достаточного социального статуса, чтобы быть упомянутыми в каком-либо значимом историческом документе, касающемся Сибири.

---

¹¹ Генеалогический вестник. Выпуск 17. Санкт-Петербург, 2004. С. 12

Совсем недавно обнаружил в письме своей двоюродной тётки Алевтины Александровны Павловой (её воспоминания будут использованы в этой книге), что в книге красноярского краеведа Леонида Безъязыкова «Красноярск изначальный» есть упоминание об одном из защитников Красноярской крепости в 17 веке – Иване Овсянике. Вполне возможно, что он был отцом или дедом упомянутого выше Михайлы Овсянникова. Но другие сведения о нём мне тоже неизвестны.

В завершении этой главы хочу привести большой фрагмент из письма ко мне А.А.Павловой 2009 года, ныне покойной:

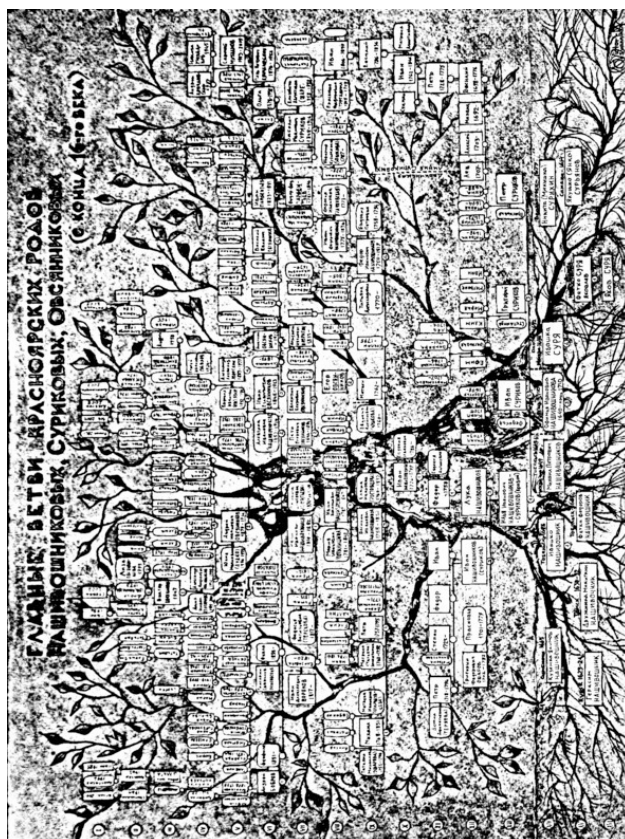
Здравствуй Витя!

Андрей (сын А.А.Павловой – ВО) нашёл в интернете помещённую тобой нашу родословную, которую ты посылал нам, и взял оттуда перечень наших предшественников, ранних, более поздних, нас, наших детей и внуков. Я прочла и мне стало грустно. Ты проделал огромную работу, столько вспомнила мама (Е.И.Яворская-Овсянникова, «тётя Дуня» – ВО), как смогла, дополнила её я. Все с удовольствием читали. А ведь мы уйдём, и наши потомки не узнают о нашем поколении. Мои дети, это точно, знают не всё, да и ни вспоминать, ни писать не будут. А за это время так изменилась жизнь. Первая мировая война, революция, гражданская война, разруха, голод, восстановление, эпидемии (тиффы), вторая отечественная война, репрессии, восстановление западных областей, смена соц. строя и т. д. Такое стремительное развитие, хотя жизнь есть жизнь, и вместо заимок мещан появились участки б соток, сады, дачи, правда несколько другие и пр. Все стали иметь образование, специальности, даже женщины. Всё это отразилось на личной жизни каждого, да и жизнь-то в разных местах разная. Читаешь худ. литературу, официальную – одно, а старики вспоминают – другое. Обидно, если про твоих дядей их правнуки знать ничего не будут. Плюс через 50—100 лет жизнь ещё больше изменится, а наша теперешняя будет казаться такой архаичной...

Дальше она пишет, что рассказала об этом некоторым родственникам, многие очень заинтересовались.

Раньше считалось, что правду писать можно только через 100 лет, и этого придерживались строго... Я вот думаю, не очень ли смело я поступила, может, не надо было мне возбуждать в людях память о былом, и в то же время – это всё может вообще забыться. Как ты считаешь?

Я уже не помню, что ответил тогда моей тёте, но, думаю, что-нибудь позитивно-оптимистическое. С того времени я гораздо дальше продвинулся в своих изысканиях и проникся ещё большей уверенностью, что наши воспоминания и поиск своих корней будут оценены не только детьми и внуками.

Один из последних вариантов родословного дерева Нашивошниковых, Суриковых, Овсянниковых. ВО

2. СОБЫТИЯ И ЛИЦА КОНЦА СЕМНАДЦАТОГО ВЕКА

В 17-м столетии оказалось сложнее всего обнаружить и проследить истоки моей родословной. Связано это со многими причинами.

Во-первых, чем дальше продвигаемся мы в глубь веков, тем меньше оказывается доступных сегодня исторических документов, тем меньше отражены они во вторичных литературных источниках. Не говоря уже о том, что истории Сибири в целом уделено очень мало места в нашей исторической науке. Достоверные сведения получались преимущественно учёными-иностранцами, появлявшимися и работавшими в Сибири в основном уже в 18 века. Да и их труды слабо изучены и обобщены современными историками.

Второй и, пожалуй, главной причиной, тормозившей моё продвижение в историю Красноярска, явилось то, что красноярские архивы многократно горели во время пожаров. Отдельные сведения о событиях того времени с трудом находились и продолжают разыскиваться историками в архивах других мест, поэтому воссоздать цельную картину красноярской истории оказалось совсем не просто.

Мне, пользовавшемуся, как правило, вторичными источниками, оказалось ещё труднее. Как я уже говорил, в начале двухтысячных годов мною была обнаружена тесная связь родов Нашивошниковых и Суриковых. С этого времени я начал активно интересоваться фамилией Суриковы. Суриковский род, по понятным причинам, давно занимал умы многих историков и искусствоведов. Наряду с разными не подтверждающимися домыслами, однако была установлена относительно точная линия этого рода, восходящая к концу 17-го века. Василий Суриков тоже интересовался своими сибирскими предками и очень гордился казаками Ильёй и Петром Суриковыми, участниками так называемой Первой Красноярской шатости – первым крупным и, пожалуй, самым значимым в сибирской истории бунтом казаков против своих воевод. Тогда при жизни знаменитого художника и ещё долгое время считалось, что Илья и Пётр были отец и сын. Естественно, что меня они тоже очень заинтересовали.

Многие исследователи рода Суриковых считают, что предки художника пришли в Сибирь вместе с Ермаком. Оказалось, что это заблуждение пошло от самого Василия Сурикова. Вот, что он писал об этом:

*«В исторической статье „Красноярский бунт“ я нашёл, что казаки Пётр и Илья Суриковы¹² участвовали в бунте против воеводы, а Пётр даже раньше в таких же бунтах (я последнего факта не обнаружил – ВО). От этого Петра и ведём мы свй род. Они были старожилы красноярские (??? – ВО) времён царя Алексея Михайловича, и как все казаки того времени, были донцы, зашедшие с Ермаком в Сибирь».*¹³

Об этом заблуждении В.И.Сурикова мы ещё поговорим дальше.

К радости моей, события Первой шатости, хотя и не упоминались ни в одном учебнике истории и популярных книгах по истории Сибири – не было там существенной классовой подоплёки в соответствии с догмами классиков марксизма – однако некоторых дореволюционных и ранних советских историков они интересовали. Труды их можно было раскопать в недрах Ленинской и Исторической библиотек. Этими историками были, прежде всего, С.В.Бахрушин и Н.Н.Оглоблин, трудами которых я не замедлил воспользоваться.

---

¹² Здесь и далее по тексту подчёркивания автора

¹³ По книге Натальи Кончаловской «Сын земли сибирской» М, 1960. С. 8—9.

Поскольку события тех нескольких ярких лет красноярской истории до сей поры не получили достойного освещения, я рискну и попробую сделать из них литературную версию с непременными ссылками на достоверные источники. При этом я, конечно, уделю наибольшее внимание интересующим меня персонам. А так как для понимания поступков и общего течения жизни наших героев очень важно, хотя бы в общих чертах, представлять исторический фон юга Сибири, её удивительную природу, быт и нравы людей – придётся и этим аспектам уделить место в моём рассказе.

Благодаря счастливому предпринимательству Строгановых и удачливым колониальным походам Ермака, появилась русская Сибирь – гигантская губка, без которой Россия захлебнулась бы в собственной крови и своих же испражнениях. Впитывая все это и таинственным образом перерабатывая в себе, она при легчайшем нажатии отдавала и отдает свои бездонные пока сокровища.

Некоторое понимание быта и нравов сибиряков и, в частности, красноярцев 17—18 веков можно получить из немногих любопытных свидетельств современников. Вот что писал один европеец, побывавший на Руси в тот период:

«Если рассматривать русских со стороны нравов, обычаев и образа их жизни, то по справедливости их следует отнести к варварам...»

Порок пьянства распространен в русском народе одинаково во всех состояниях, между духовными и светскими, высшими и низшими сословиями, между мужчинами и женщинами, старыми и молодыми, до такой степени, что если видишь по улицам там и сям пьяных, валяющихся в грязи, то не обращаешь на них и внимания, как на явление самое обычное...

Хотя русские, особенно простой народ, живя в рабстве и под жестоким гнетом, из любви к господам своим, могут сносить и вытерпевать весьма многое, но если гнет этот переходит меру, тогда в них возбуждается опасное восстание, которое грозит гибелью, если не вышнему, то ближайшему их начальству. Если же однажды они вышли из терпения и возмутились, то нелегко бывает усмирить их. Тогда они пренебрегают всеми, предстоящими им опасностями, становятся способны на всякое насилие и жестокость, делаются совершенно безумными людьми».

Из этого отрывка безымянного автора можно многое почерпнуть о пресловутых «скрепах», ставшими популярными в последнее время, но далеко углубляться в этот вопрос – не цель нашего исследования.

Стоит всё же сказать о кажущемся противоречии, уживающемся в загадочной русской душе. Наряду с лихостью, бунтарством и непредсказуемостью, в разных уголках и закоулках российской действительности всегда существовал и донныне здравствует живучий феномен «лакейства». Вся отечественная история может быть рассмотрена с точки зрения «лакейства – антилакейства». Если первое, как раковая опухоль, охватило всю Россию, особенно центральную, то со вторым – «антилакейством» – связаны стихийные и полустихийные движения казачества, старообрядства (особенно ветви беспоповства и бегунов), разного рода отшельничества и, наверное, многие известные путешественники были «заражены» неистребимым вирусом свободы.

А «государева служба» почти сплошь и рядом являлась вершиной добровольного самоуничтожения. Не зря А. С. Грибоедов подметил о быграл связь слов «служить» и «прислуживать». С какой нежностью и любовью описано в русской литературе множество верных слуг, нянек и мамок, дядек и денщиков! И, наконец, наше русское (особенно расцветшее в советский период) подобострастное отношение к разного рода прислуге, работникам сферы обслуживания – официантам, таксистам, уборщицам, продавцам. Мы, как никакая другая нация, готовы были унижаться перед ними, поменаться с ними ролями, а они, понимая это, упивались своей неограниченной властью над нашим раболепским сознанием.

Нельзя сказать, что эти и многие другие пороки присущи исключительно русскому народу. Известно, что и в Европе средних веков процветали грубость и жестокость нравов, но к описываемому нами периоду они постепенно уходили в прошлое. На Руси же пороки «мрачного средневековья» еще очень долго «правили» во всех слоях общества.

«В атмосфере непрерывной резни складываются типичные черты красноярского служилого человека 17-го века: склонность к своеволию и буйству, жестокость и падкость до наживы и – выше всего – вольнолюбие, дух непокорства и независимости.»¹⁴

Вот ещё одно свидетельство о сибирских нравах того времени:

«...Прослышала она, что митрополита Сибирского и Тобольского домовые дети боярские митрополичьими десятниками в разные сибирские города посылаются и там бесхозных девок и вдов к разным пакостям принуждают, а иных, догола раздев, груди им до крови давят и прочие гадости силою творят, грозятся в блядню упрятать и продают разным никчемным людям, и деньги себе берут...»¹⁵

Но прервёмся ненадолго в разговоре о нравах. Речь у нас пойдет о некоторых фрагментах истории Красноярска и прилегающих к нему территорий. Красноярск, основанный русскими казаками в первой половине 17-го столетия, и по наше время сохранил особую прелесть окружающих ландшафтов.

Почти вплотную к городу с юго-западной стороны подступают отроги Саянских гор, откуда собственно и течет Енисей. Здесь это невысокие горы, покрытые сплошь тайгой. У Красноярска отроги Саян почти обрываются и дальше, вниз по Енисею, в северном направлении горы постепенно заканчиваются. А со стороны левого берега и устья речки Качи гор и таежной растительности почти нет – небольшие холмы и ровные долины, которые в прежние времена были, вероятно, гораздо лесистее, покрытые сибирской тайгой.

Описывать природные красоты Красноярска и окрестностей можно очень долго, но не менее интересен исторический и человеческий «ландшафт» этого края, чему и будет уделено основное наше внимание.

Практически поголовным явлением в чиновничьих кругах Сибири того времени (не только Сибири и не в то лишь время) было мздоимство и казнокрадство. Почти каждый третий начальник высокого ранга был судим за такие грехи, некоторые казнены, как например, уже в правление Петра Первого сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин, которого мы тоже слегка коснемся в наших историях. Следует признать, что воровство было и остается важнейшей особенностью национальной культуры, как теперь принято говорить, «национальной скрепой».

Русские, особенно те из простолюдинов, которые вышли в знатные люди по счастью или по богатству, в какой-нибудь службе или должности, чрезвычайно высокомерны и горды. Хотя и государевы холопы – сибирский служилый люд, да не чета московской царевой челяди. Воля сибирская в кровь и плоть проникла вместе с особой дурью, поголовным пьянством, особенным казачьим зазнайством, гордыней сибирской, вседозволенностью, от государевой власти далекой. Особый сибирский характер слепливался не сразу, опыт жизни «на отшибе» обретался столетиями. Однако уже с начала 17-го века свойства «особых контингентов» сибирского казачества, а также шедших за ним не по своей воле ссыльнопоселенцев, беглых крепостных

---

¹⁴ С.В.Бахрушин. Научные труды, т. 4. М. 1959, с. 12.

¹⁵ Акты исторические, собранные и изданные археологической комиссией. Т. 5, С-П. 1842. С. 496.

крестьян и прочих, как бы сегодня сказали, маргиналов и авантюристов – все это формировало особую человеческую среду.

Особой непокорностью до необузданности сразу прославились красноярцы. Не зря их прозвали «бунтовщиками». Задолго до описываемых ниже событий конца 17-го столетия известны были они своей строптивостью и жестокостью.

В 1629 году, почти сразу после основания города и постройки острога на Красном Яре Андреем Дубенским, взбунтовались казаки от недостатка хлеба и других припасов. Справляться с продовольственными трудностями своими силами они ещё не научились: своими огородами и пашенными крестьянами обзавестись не успели, навыков выживания в тайге не освоили в полной мере. А тут незадача вышла. При вечном российском бардаке не организовало начальство завоз продовольствия. Сами красноярцы не позаботились, да и некогда им было туда-сюда мотаться – новый острог обустраивали, и начальство это знало. Голод терпели, ждали. А казакам Енисейского острога в облом стало задарма печься о соседях-конкурентах по «местному кормлению» и грабежам (то бишь, ясачному оброку) коренного таежного населения.

Жертвой нелепого конфликта оказался Иван Олфимович Кольцов (иногда его звали Яковом) – первый красноярский атаман пешей сотни, пришедший на Красный Яр вместе с Андреем Дубенским. А тут оплошал боевой командир: привез красноярцам годовое жалование, но не привез провианту.

Воевода Дубенский выгнал из приказной избы вернувшегося из Енисейска без хлеба атамана. Казаки восприняли это как показатель вины Кольцова, потащили его на городскую площадь и стали бить. Забили до смерти, а труп атамана сбросили в речку Качу.

Пришлось красноярцам самим отправляться в Енисейск за провиантом, а заодно в тайне сговорились пограбить на Ангаре подвластных Енисейскому острогу ясачных людишек, убить воеводу, разграбить город и по Оби через Березов пробраться в Россию на родину.

С молчаливого согласия воеводы, которому обо всех своих планах заговорщики не докладывали, почти половина красноярского гарнизона покинула место службы и отправилась вниз по Енисею. В первых числах июля 130 красноярцев внезапно появились у стен Енисейского острога. По плану красноярцев, несколько человек должны были проникнуть в острог и, напад на караул, открыть ворота. Но енисейцы заподозрили недоброе. Они позволили нескольким бунтовщикам войти, после чего их разоружили и арестовали.

Выяснить полностью замысел красноярцев у пленников удалось не сразу: даже пытки не приносили результата. Битье кнутом и прижигание раскаленным железом они выдерживали. Тогда было решено внести разнообразие в процесс пытки: им обрили наголо головы и стали лить студеную воду. Только так удалось вырвать подтверждение сведений о «воровском умысле». Предпринятая красноярцами попытка штурма острога была быстро пресечена: залп из всех четырех острожных пушек и пищалей охладил пыл бунтовщиков не хуже ледяной воды, остудившей головы их пленных товарищей. Не рискнули они идти на дальнейшее безрассудство. Оставалось только продолжить грабежи.

Вместе с перешедшими на сторону бунтовщиков разными проходимцами из Енисейска и некоторыми сосланными в государеву пашню крестьянами красноярцы пограбили проживавших на посадке торговых и промышленных людей «до нага». Потом пошли на Ангару и, разжившись чужим добром и продовольствием, в конце концов вернулись в Красный Яр.

Заговор раскрыли, главных заговорщиков показательно наказали, и чудом удалось отстоять право на жизнь красноярского острога от озлобленных енисейцев. Но память осталась...

Воевод, наместников царских, поставленных на тамошнее кормление, то есть на почти полное местное самообеспечение – красноярцы и в грош не ставили, особенно безмерно алчных и чванливых. Те на тучном кормлении нагнали до крайности, дурели до лютости, приводя

стойких казаков в телесную немощь и отчаянье, состояние, в коем «вовсе не мочно жить» от воевод-разорителей, грабителей, мучителей.

По лютоści воевод также грозны и беспощадны становились сибирские бунты. В самом мягком виде им просто отказывали от воеводства, а чаще изгоняли из городов или избивали до полусмерти самих воевод и их сторонников. На их место избирали выборных «судеек» либо заводили свои мирские круги, советы, думы. И незаконные эти думы, вольные, воровские (слово «вор» было синонимом бунтаря, разбойника), сами вершили воеводскую власть и справляли всякие государевы дела.

А дальше шло по заведенному кругу: на место лихих воевод наезжали из Москвы новые, правившие сперва с опаской, глядя на местных воровских людей, а после – шибче да круче, и повторялось всё заново до нового бунта и новых назначений. Особо нетерпеливые и свободы чаявшие служилые люди срывались с насиженных мест, шли дальше по Сибири и Востоку дальнему, а то и за Великий океан, открывая и заселяя новые земли себе на волю и отечеству на пользу.

В годах 1695—98 случился знатный бунт, названный потом Первой Красноярской шатостью¹⁶. Первой – по времени и по силе своей, почти не изученный историками по причине слабой классовой направленности, ибо бунтовал не бесправный угнетенный люд, а почти вольное казачество, и не против царевой власти, а против таких же государевых слуг только телом и чином пожирнее, пожаднее да понаглее. Известно ведь по всем временам, что чем мельче начальник, тем больше от него пакости и вреда прочим людям.

И по сей день народ наш не шибко поумнел и также думает, что все беды его от чиновной коррупции и предпринимателей алчных, а избранный богом или их же волею главный государев муж – мудёр и справедлив, всё праведно порешит, народец свой в обиду не даст, кого следует изведет, воров покрупнее прижмет, а мелких (кто и нынче без греха?), но преданных, не тронет да прикормит еще от своих щедрот...

Почти три года бунта, даже в силу удаленности от центральных властей – срок не малый. Да и кто бы их усмирил и каких иных казаков-усмирителей послал в эдакую даль? Вот и вершили красноярцы свои суды и справедливость свою почти безнаказанно, свергая целых трех воевод одного за другим в наивных мечтах о мудром и в меру корыстном царевом наместнике.

Худо-бедно, но терпели казаки прежнего воеводу Игнатия Башковского. Однако в 1694 году сел на его место старший сын Алексей Башковский. Тут и началось. Посыпались на Алексея-воеводу челобитья служилых, вольно живущих, а также ясачных (обложенных царским оброком) людей за лихоимства его, всяческие обиды и разорения. Ладно бы только своих притеснял – у нас грабить ближнего за большой грех не считается – но и порубежным калмыкам с киргизами досталось не мало бед. С бухарских и калмыцких торговых людей брал он в Красноярске великие взятки деньгами, товарами, ясырем, то бишь невольниками, за что калмыцкие и киргизские воинские люди регулярно приходили войною на Енисейский и Красноярский уезды. Обвинили красноярцы этого воеводу-грабителя и разорителя также в изменном деле от непомерного корыстолюбия. Якобы посылал он в киргизскую немирную орду своего человека с казенным свинцом, порохом, добрыми конями и с разными товарами. Выгодно продавал киргизам. А те с этим же порохом и свинцом приходили воевать с красноярцами.

Поняли красноярцы, что стало им жить «не мочно» с таким воеводой и подняли против него бунт. Стали собираться служилые люди в круги, устраивать свои думы и советы. Зачин-

---

¹⁶ Фактологическая сторона излагаемых далее событий с частичным сохранением языкового стиля приводится из труда Н.Н.Оглоблина: Красноярский бунт 1695—1698 гг. (Очерк из истории народных движений в Сибири). С.-Петербург. 1902.

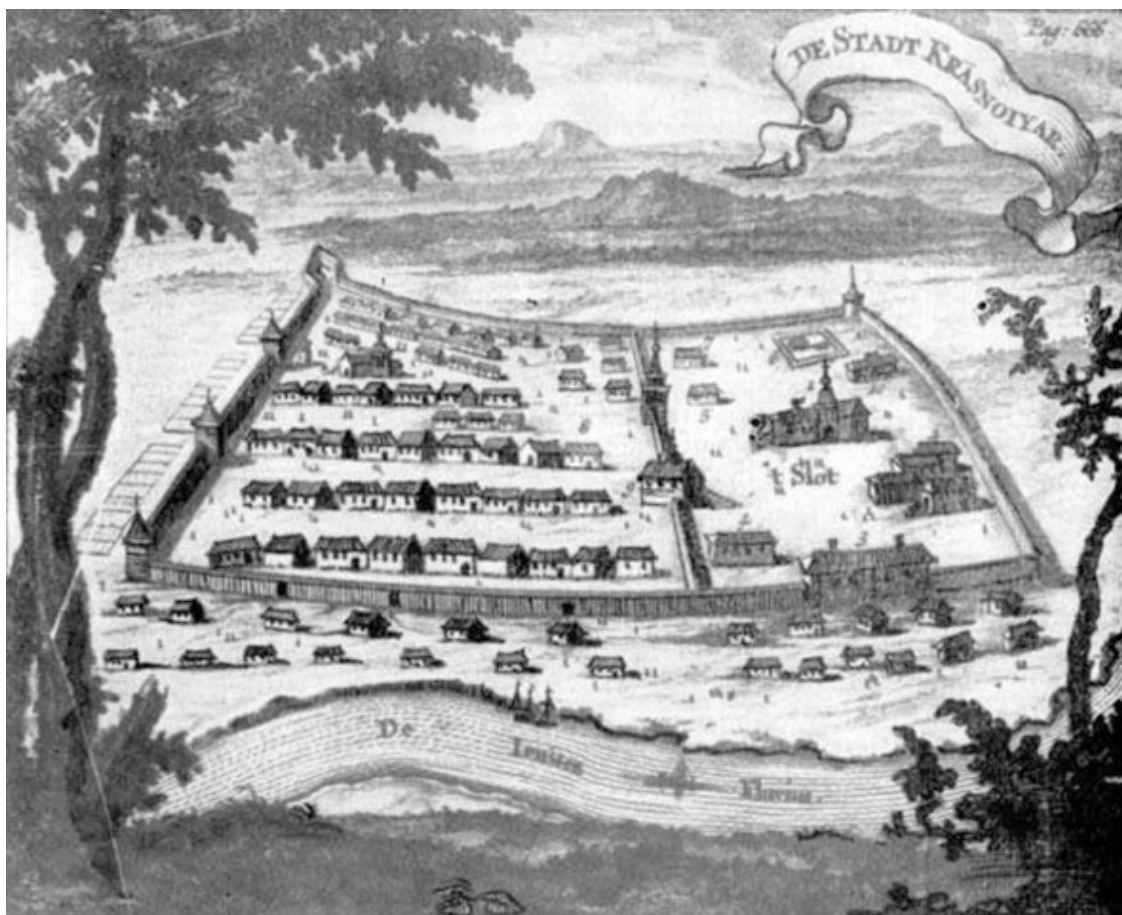
щиками были «боярские дети» – служилые сибирские дворяне из авторитетных местных старожилцев.

Против них образовалась малая и слабая воеводская партия из зависимых ссыльных людей. Характерно, что бывшие ссыльные и инородцы (поляки и пр.) становились наиболее крепкой опорой зарвавшихся воевод и являлись ядром то большей, то меньшей воеводской партии в разные годы бунта, наряду с наиболее преданными и зависимыми от воевод служилыми людьми.

Сделаем небольшое отступление от хода событий. Откуда же взялось и пополнялось население Красного Яра и охраняемых им ближних территорий? Наряду с государевым казачьим и немногим служилым чиновным людом – основой службы в остроге и будущем городе – население образовывалось и другими источниками. Добровольных поселенцев в этих беспокойных землях было не много. Потому большинство первых крестьян были люди ссыльные да опальные: пленные белорусы, украинцы, литовцы, поляки, латыши и прочие подданные Польши и Швеции – тогдашних врагов России. Их сажали на пашню, снабжали топорами, основным инвентарём и лошадьми, забирая часть урожая в казенные амбары для хлебного жалования служилым людям.

Красноярский острог, постепенно становившийся гражданским поселением, а затем и городом, размещался на левом берегу Енисея. Острог в момент основания представлял собой деревянную крепость размером примерно сто на сто двадцать метров, обнесенную рвом, валом и деревянными стенами с двумя проезжими башнями и тремя сторожевыми башенками на столбах. К началу Первой Красноярской шатости город-острог уже окончательно сформировался, развился, уже меньше напоминал постоянно осаждаемую неприступную крепость.

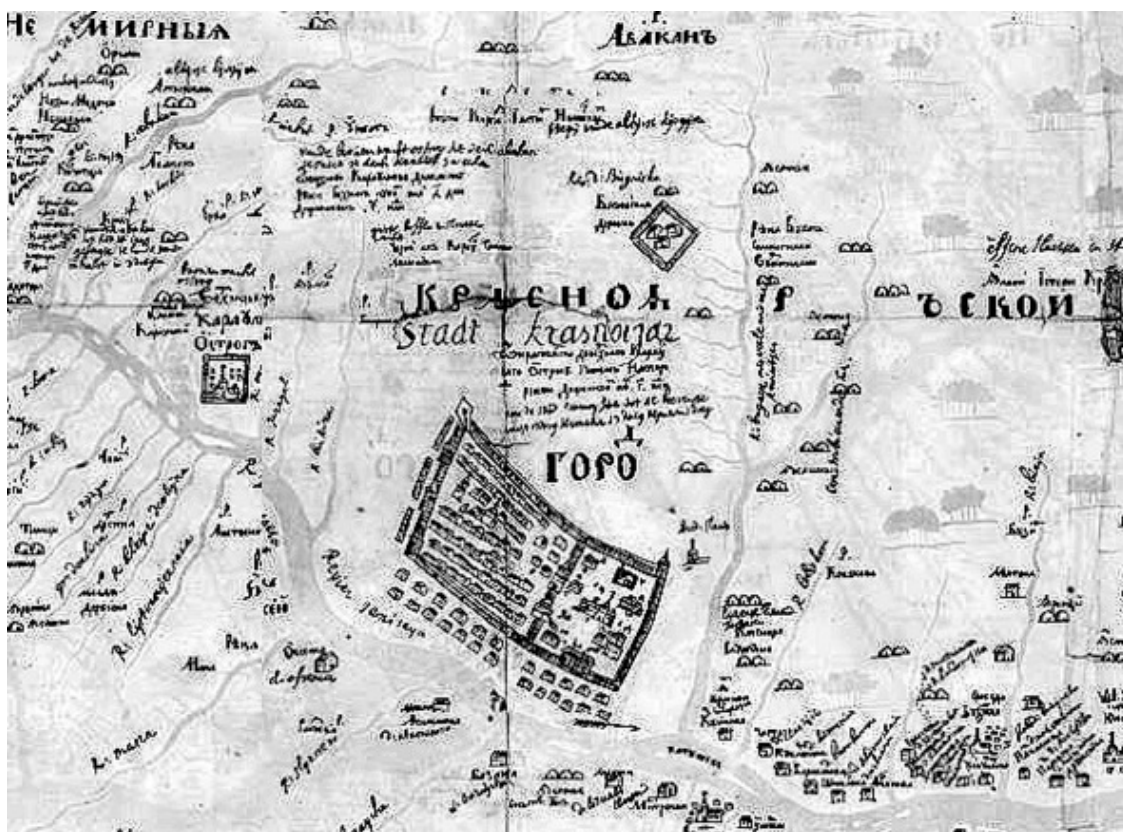
Внутри крепости, на стенах которой были установлены пушки, размещались жилые и служебные постройки, амбары, для хлебных запасов и разного снаряжения, воеводский двор. Двор кольцом обступали разные службы: людская изба, ледник, баня с предбаньем, примыкавшая к сеням, «сезжая», или приказная изба (то есть канцелярия воеводы, куда съезжались служилые люди на смотры и перед походами) и прочее. Строения воеводского двора были отгорожены от остальной территории острога тыном (забором из вертикальных кольев).

Панорама Красноярска на рубеже 17—18 веков.

Имелась также тюрьма, примыкавшая с северной стороны к воеводскому двору, церковь (поначалу в Спасской башне) и зимовья для казаков. После того как построили Преображенскую соборную церковь в Спасской башне устроили часовню и колокольню. В 1693 году из Москвы прислали часы с боем. Посчитали, что в Красноярске без часов быть невозможно: Красноярск – город укрепленный, и стоят в нем на стенном карауле беспрестанно днем и ночью.

Казаки жили в рубленных топором избах на высоких жилых или хозяйственных подклетьях. Когда казаки обзавелись семьями и стали появляться «пашенные» (крестьяне) и «посадские» люди (ремесленники, промышленники, торговцы), в крепости стало тесно, жилые постройки были вынесены за крепостные стены. Впоследствии их тоже окружили укреплениями, образовалась вторая линия стен. Получился «малый город» (крепость) и «большой город», где размещались только жилые дома служилых людей, ремесленников и крестьян. Между крепостной стеной и Енисеем расположен посад (два ряда домов) и на берегу пристань для лодок и плотов.

Схематическая карта окрестностей Красноярска на рубеже 17—18 веков.

Но вернемся к началу бунта. Началась знатная заваруха. Собрались толпою бунтовщики майским днем 1695 года пред приказною избою Красноярского острога и объявили вышедшему воеводе, что отказывают ему от воеводства. Угрожать стал воевода толпе карами и требовал выдачи пуших заводчиков. Но шумела толпа, стоя на своем. Часть ринулась на воеводский двор и стала грабить его животы («животишка» – праведно и неправедно нажитое имущество). Другая часть рассеялась по городу и принялась разорять дома и грабить животишка служилых людей из воеводской партии. Одной идеей да справедливостью сыт не будешь, а грабеж – дело надежное. Защитников своего имущества били смертным боем. А сам воевода, Алексей Башковский, драпал аж в Енисейск, опасаясь, и справедливо, за жизнь свою грешную.

Тем временем бунтовщики отправили в Москву новую челобитную на Алексея Башковского, сознавая свою вину пред великим государем, но твердо стояли на своем, что им стало жить не мочно с этим лихим воеводою, и покорно просили прислать доброго воеводу. И дали им нового воеводу, родного брата прежнего, Мирона Башковского.

Силен был воеводский клан и влияние до Москвы имел. Не чести и справедливости ждали красноярцы, а мести за изгнанного брата от нового ставленника государева. Началось пока молчаливое противостояние бунтовщиков с новой властью.

Многие участники бунта разъехались, попрятались по близлежащим деревням, но от смутьянства своего не отказались и стали зваться «деревенцами».

Здесь пора обратиться нам к главным героям нашего рассказа – Суриковым. В истории с красноярским бунтом нас в первую очередь интересуют именно они – Илья и Пётр Суриковы.

Ещё не так давно биографы художника Сурикова считали их соответственно отцом и сыном. Однако более поздние исследования, и мои в том числе, достоверно установили, что они являлись родными братьями. Старшим был **Пётр Суриков, 1659 г.р.**, а младшим – **Илья Суриков, 1663 г.р.** (по некоторым сведениям, Илья Суриков имел кличку «Кривой»), а ко

времени Первой Красноярской шатости оба они были уже женаты и имели первых детей. Разница в годах Ильи и Петра была незначительна – на 4 года был старше Пётр. Более подробному описанию их родственных связей и их вероятным предкам я уделю отдельное особое внимание позднее, а сейчас мы остановимся на их участии в событиях красноярского бунта.

В исторических документах по Первой Красноярской шатости они часто упоминаются вместе, но иногда и порознь. По этим фактам мы можем предположить о неодинаковой роли братьев Суриковых в бурных событиях Красноярска 90-х годов 17-го века.

Самое раннее упоминание относится к 1695 году и касается Ильи Сурикова. Выше было сказано, что большинство бунтовщиков, опасаясь начавшихся репрессий, разъехались по окрестным деревням и прозывались деревенцами. В сентябре месяце Илья Суриков ещё находился на стороне воеводской власти и был в чине казачьего десятника. Вот что пишет об этом Н. Оглоблин в своей книге:

*«14-сентября (1695 г.) воевода (Мирон Баиковский) послал в дер. Севастьянову казачьего десятника **Илью Сурикова**, с 10 казаками, давши ему „наказную память“, чтобы он доставил в город „смутителей“... Суриков предъявил память приказному человеку дер. Севастьяновой..., чтобы он тех „бунтовщиков сыскав, отдал“ ему. Но тот, уже примкнувший к партии бунтовщиков, отказал Сурикову в каком бы то ни было содействии и посоветовал вернуться в город. Тот так и сделал. На обратном пути он встретил новый отряд деревенцев, около 40 человек... Деревенцы не обратили никакого внимания на приказ воеводы и „заводчиков и смутителей“ не выдали; они говорили прямо, что если воевода выйдет с ссыльными людьми на поле, они с ним будут биться.»¹⁷*

Из этого текста видно, что хотя Илья Суриков и выполнял воеводский приказ, но вёл себя не активно, в столкновения с бунтовщиками не вступал и их отказам не противоречил. Это позволило ему впоследствии перейти на противоположную сторону. Но и там, как мы заметим, он играл менее активную роль, чем его брат Пётр.

Видя растущий мятеж, воевода грозил «город выжечь и вырубить». Но угроза подлила масла в огонь. Намерение воеводы было предупреждено заговорщиками: стали гореть от поджогов дома воеводских сторонников. Другие дома подвергались грабежу.

Принимая карательные меры, по приказу воеводы наиболее ярых мятежников отлавливали и сажали в тюрьму. Тюрьма – место важное в каждой крепости и пригождалась часто. Тюремная изба, как и воеводский двор тоже была обнесена отдельной оградой – «острогом», примыкавшей к воеводскому двору. В тюремном остроге дневали и ночевали, посуточно сменяясь, четыре караульщика.

Видимо, в это время *«Имел место массовый побег из тюрьмы... Мирон Баиковский забил тюрьму арестантами: в ней сидели 15 служилых людей, в том числе такие видные люди, как дети боярские Трифон Еремеев с сыном Андреем...»¹⁸*

Здесь нужно заметить, что упомянутый Андрей Еремеев ещё встретится нам лет через 20 в зрелом возрасте в связи с выдающимся походом через Саянский хребет, который он возглавил вместе с сыном нашего Ильи Сурикова.

Так прошёл октябрь (1695 г.), а в ноябре брожение вылилось в открытый бунт: 11-го ноября воевода Мирон Башковский вынужден был запереться со своими сторонниками «в малом городе» (крепости), где и пробыл с тех пор «в осаде» до конца августа 1696 года.

---

¹⁷ Н.Н.Оглоблин. Красноярский бунт 1695—1698 гг. (Очерк из истории народных движений в Сибири). С.-Петербург. 1902. С.8

¹⁸ С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 4. М. 1959, с. 104.

То есть осада длилась почти год! По-существу это была победа восставших красноярцев и фактический отказ Мирону от воеводства.

*«14-го ноября ударили в набад в Покрвской церкви, куда стали собираться служилые люди с оружием, посадские люди, подгородные крестьяне и ясачные татары. Затем всё это „многолюдство, с ружьём, с копьями и со знаменны“ двинулось к „малому городу“... Воевода вышел на крепостную стену и выслушал... „отказ от воеводства“, подкреплённый всею толпою. Толпа разграбила оставшиеся в большом городе „животы“ Башковского – „все без остатку“, а также дома воеводских сторонников, засевавших с воеводою в малом городе».*¹⁹

Так быстро победившие бунтовщики поспешили наладить свое управление. Главари Трифон Еремеев с Дмитрием Тюменцевым были избраны судьями, ведавшими город и уезд, под присмотром совета старших служилых людей и всенародной думы, общего собрания, схода. Первым делом остановили грабеж в городе. Не удалось только отстоять обширные съестные и питейные припасы изгнанного воеводы. Правда, три бочки вина судьи отобрали у толпы, но по ее челобитью и по приговору всяких чинов служилых людей согласились раздать то вино в дуване – в дележе добычи – всем участникам и сторонникам бунта. По подходящему поводу только дурак не напьется, а тут вышло в честь праведного дела.

Пытался было защитить воеводское дело неожиданно прибывший в Красноярск с государственной казной и собственной богатой добычей в воеводской службе преданный Башковскому сын боярский Степан Иванов, но бунтовщики его схватили, отобрали собориную казну и все его пожитки, а самого убили. Стяжателя и воеводского прихвостня – к богу в рай! Не грех.

За время долгой осады происходило много других событий. Воеводе присылали замену, но неудачно. Пока, наконец, 20-го августа 1696 года не прибыл из Москвы назначенный царём на воеводство стольник Семён Иванович Дурново. Он твёрдой рукой освободил Башковского и его свиту, отправив свергнутого воеводу в Енисейск.

Новый начальник начал жёсткое расследование, чем, с одной стороны, способствовал расколу и смятению в среде восставших, а с другой – своими крутыми мерами стал вызывать ещё большее недовольство красноярцев. Острота ситуации нагнеталась с каждым днём.

*«Уже в конце 1696 года, т.е. через 3 или 4 месяца по приезде на воеводство, Дурново последовал примеру Башковского – оставил «большой город» и «в малом городе самохотно большими воротами затворился»*²⁰. Там он продолжал активно укрепляться, свозя пушки, оружие и боевые припасы. Большой город на половину был обезоружен. Правда, в руках служилых людей оставалось их оружие, но пороху и других припасов было мало.

Город всё более волновался. Уже в конце 1696 года недовольные стали обсуждать своё положение. Заговорщики собирались по ночам в домах атамана Михаила Злобина, казаков Илья и Петра Суриковых и других.

*«В доме прежнего руководителя выступлений в Красноярске, атамана Михаила Злобина, «в разных числах была дума», в которой участвовали сам хозяин, его сын Иван, прежние «бунтовщики» Конон Самсонов и Трифон Еремеев, Илья и Пётр Суриковы. Здесь обсуждался вопрос о том, чтобы «осадных людей всех порубить»; колебались только в вопросе о том, отказывать ли воеводе или ждать «великого государя указу»*²¹

---

¹⁹ Н.Н.Оглоблин. Там же. С. 9

²⁰ Н.Н.Оглоблин. Там же. С. 25

²¹ С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 4. М. 1959. С. 186.

Многие уже тогда настаивали, чтобы немедленно «отказать» Дурново от воеводства, как было с Башковскими. Этот замысел предполагали исполнить после утрени на Рождество Христово, когда надеялись, что воевода пустит их в соборную церковь в малом городе, а они принесут туда оружие «под полами».

Но этот план был отвергнут. Под Рождество воевода, действительно пустил красноярцев в собор, и наиболее решительные из них хотели воспользоваться случаем, чтобы «вырубить» воеводу и его сторонников, но умеренное большинство не допустило их до того, может быть ещё и потому, что не хотело проливать кровь в такой день и в таком месте.

Здесь нужно отметить, что красноярцы, как и всё население тогдашней Руси, были очень религиозны. Христианские традиции и праздники строго соблюдались. Существовало поверье: в конце декабря искупайся в рождественской проруби – будешь здоров и богат.

В день Рождества Христова жители пекут из теста «*коровки, собаки, зайцы и иные звери, которые по их козылки называются, которыми делят славельщиков, а иные вместо козулек орехами или пирогами за славление дают*»²²

25 декабря происходит святочный обряд Славление Христа (Христославление). По большей части утром, но иногда и в течение всего дня, славильщики ходили по дворам и пели христославления.

Исполнителями обряда могли быть дети, парни и девушки, иногда взрослые мужчины. Славильщики группировались по возрасту и собирались по 5—6 человек, а иногда и больше – до 15-ти.

Хозяину и хозяйке, не пустившим в избу славельщиков, поют позорящие песни, часто с откровенно фривольными для нашего времени выражениями:

*Не креишиона изба (до 3 раз).
Хозяин во дому,
Што дьявол во аду;
Хозяйки во дому, —
Головня бы ей в манду.*

Однако, как правило, христославов принимали ласково и радушно. Младшего из них в некоторых местных традициях усаживали на вывороченную мехом наружу шубу в переднем углу: делалось это для того, чтобы куры были спокойны на насесте и выводили больше цыплят. Славильщиков одаривали пирогами, шаньгами, ржаными козулями, калачами (ржаными и крупитчатыми, то есть из лучшей пшеничной муки: белой и самого тонкого помола), витушками (архаичное обрядовое печенье в виде спирали) и пряниками, баранками, а также мукой и деньгами. Последних давали по копейке-по две, а кто побогаче – и по пятаку.

Понятно, что при таком почитании христианских праздников активность бунтовщиков сильно снижалась. Возможность захвата воеводы и его сторонников была упущена. В то же время в среде заговорщиков образовался раскол. Некоторые их главари стали писать доносы на своих товарищей, причём отцы доносили на детей, дети – на отцов, менее виновные в заговоре – на более виноватых и наоборот. Такое перекрёстное доносительство оказалось очень живучим в русском характере и наблюдалось потом во все последующие века. Оказалось, что ложные доносы и обман между русскими людьми всегда были в таком ходу, что их можно опасаться не только со стороны чужих людей и соседей, но и со стороны братьев или супругов, отцов и детей.

---

²² По описанию русского учёного и путешественника по Сибири в 18-м веке С.П.Крашенинникова.

В результате долгих взаимных обвинений многие знатные и уважаемые за военные заслуги бывшие главари заговорщиков перешли окончательно на воеводскую сторону. Проявилась ещё одна старорусская черта-скрепа – подверженность изменчивой конъюнктуре и чувствительность к направлению «дующего ветра». Начались аресты и допросы.

Один из доносчиков показал, что в *доме у Петра Сурикова* собиралась «дума» служилых людей, на которой подговаривали друг друга принять участие в избиении осаждённых сторонников воеводы – «вырубить всех».

Начался розыск, где молодёжь «запиралась» во всём, а старики уличали друг друга, спасая себя. Видимо, наши Суриковы, Пётр и Илья, хотя уже обзавелись семьями и жили, судя по всему, в отдельных домах (им было тогда: Петру – 38 лет, а Илье – 34 года), относились к той самой «молодёжи», так как ни в одном историческом документе мы не находим упоминаний об их измене «общему делу».

Более 30 человек, преимущественно молодёжь, оказались «под караулом» и ожидали расправы от воеводы. А тем временем в Красноярске и окрестных деревнях после непродолжительного испуга от действий властей начало усиливаться недовольство новыми репрессиями.

В течение 1697—98 годов продолжались бурные события, связанные с активными действиями, как одной, так и другой стороны. К следствию подключались специально присланные из Москвы сыщики по бунтарскому делу и воеводским злоупотреблениям, но склонявшиеся на сторону воеводы Дурново.

На масляной неделе 1697 года произошло зверское убийство одного активного участника бунта, в котором красноярцы обвинили воеводу. И опять совпадение всенародно любимого праздника масленицы и полной трагизма боевой обстановки в городе. Да ещё на фоне безмерных возлияний.

«Во время праздничное жители по гостям незваные ходят и чересчур упиваться любят, потому что иные из них одного дня почти весь город обходить не ленятся и инде чарку вина, а инде стакан пива урвут.

Во время масленицы по горам уливаются водою катушки, на которых во всю ту неделю почти всего города девицы и женщины вместе с мужиками на коровьих кожах катаются. А в последний день, то есть в воскресенье, с оных катушек идучи, со всяким, кто бы ни шел навстречу, целуются»²³.

Были ещё любимые кулачные бои и «взятия снежных городков», но в эти годы бои в Красноярске были не шуточными.

В мае 1697 года бежали из-под караула, не без содействия караульных, все главные деятели из молодых заговорщиков, а также некоторые из «стариков». Всего бежало 30 человек, направившихся в Енисейск и другие места. В июле часть беглецов появились в Красноярском уезде и в самом Красноярске и стали «жителей возмущать» к бунту против Дурново, который со своими сторонниками к тому времени фактически уже находился в осаде в малом городе без доставки туда съестных припасов. «Московское следствие» в лице своих представителей в Енисейске и Красноярске постоянно старалось смягчать ситуацию и добивалось временных перемирий.

С конца 1697-го по начало 1698 годов московские следователи постоянно получали жалобы красноярцев на своего воеводу и ответные отписки и обвинения от Дурново. При всей симпатии со стороны следствия к Дурново, оно было вынуждено решиться на очередную замену очередного воеводы-злодея. Последовал соответствующий указ с объявлением начала «о нём розыска» (следствия), а его самого – выслать со всем семейством в Енисейск.

---

²³ По описаниям путешествовавших по Сибири в 17—18 вв.

«Воровские люди» торжествовали и с радостью встретили нового воеводу С.С.Лисовского, которого знали по его долголетней службе в Енисейске и считали своим сибирским, а не московским служилым человеком, хотя он был добровольным выходцем из Москвы и носил звание московского «жильца». Красноярцы знали, что это был человек, с которым «жить мочно». Лучшего выбора нельзя было сделать для умиротворения взволнованного Красноярска. Лисовский сразу поладил с красноярцами, и в продолжении почти полгода красная шатость совсем затихла.»²⁴

Но оказалось, что назначение Степана Лисовского было временным, как и «обманной» по нынешним временам сама дата выезда Дурново их Красноярска – 1-го апреля. Вскоре последовало отплытие за ним следом его семьи по Енисею на двух «дощаниках» с богатой «рухлядью» (наряду с бытовыми вещами было не мало «мягкой рухляди» – ценной сибирской пушнины и других «заповедных» ценностей), людьми и прочим.

Очередное следствие против Дурново сочувствующими ему московскими посланниками снова закончилось в его пользу. На основании чего появился новый «указ»: *«стольника Семёна Иванова сына Дурново отпустить в Красноярск на воеводство по прежнему великого государя указу и по наказу, коков ему дан на Москве из Сибирского приказа».*

Всё это очень напоминает наши современные судебные решения, когда все улики и документальные свидетельства говорят об одном, а судебный вердикт – прямо противоположный. Ох уж эти скрепы!

*«В конце июля Дурново смело отправился в Красноярск, не предчувствуя, что на этот раз он будет там воеводствовать всего несколько часов. Об этих часах сохранились подробные известия, представляющие значительный бытовой интерес».*²⁵

Постараюсь тезисно, но близко к тексту Н.Н.Оглоблина изложить яркие события нескольких часов этого дня в последовательности, в которой они происходили, но без малосущественных деталей и перечисления многих имён участников.

Весть о возвращении Дурново в Красноярск вызвала взрыв негодования. К движению против воеводы незамедлительно примкнули все колебавшиеся до той поры или временно изменившие «миру», или же относившиеся безразлично к его интересам. Было решено принять самые решительные меры, чтобы не допустить Дурново на воеводство.

Дурново прибыл в Красноярск на рассвете 2-го августа 1698 года, направился в приказную избу и сразу начал самовольно улаживать формальности по приёму воеводства. Ещё не успев повидать временного воеводу Лисовского и принять от него дела, он взял из ящика в воеводском столе красную «государеву печать» и надел на шею. Незамедлительно начал отдавать воеводские распоряжения и указы по карательным действиям против мятежников. Отправился в собор, где было отслужено по его требованию торжественное молебствие.

Узнав о прибытии Дурново, несмотря на ранний час (около 5 часов утра), красноярцы потянулись в малый город, чтобы проверить справедливость этой власти. Когда они подходили к собору, Дурново уже выходил оттуда. Сразу же начались первые, пока индивидуальные, протестные акции с угрозами и оскорблениями. Дурново, не обращая внимания, шёл к воеводским хоромам.

Там он повстречался с Лисовским и начал скорым порядком улаживать с ним формальности по передаче воеводства от одного к другому. Дурново, чувствуя необходимость защиты, стремился поскорее встретиться со своими сторонниками. Но их оказалось мало. Собралось их «на поклон» и «по обыкности, с хлебом и с солью и с калачами», всего около 10 человек.

---

²⁴ НН Оглоблин. Там же. С. 33

²⁵ НН Оглоблин. Там же. С.36

Вслед за воеводскими сторонниками к крыльцу подошла толпа «воровских людей» – около 50 человек. Кроме русских служилых людей здесь были и служилые татары. Толпа шумела, вызывала Дурново и кричала, что «отказывает ему от воеводства». Дурново не вышел. К нему направились переговорщики и заявили «отказ от воеводства» и потребовали от Лисовского выгнать Дурново и не оставлять воеводство. На этом первый тайм переговоров завершился, толпа послушала Лисовского и разошлась.

А тем временем в большом городе и на площади составилась «воровской круг», более чем из 300 человек. Как и во всех событиях этого дня (2 августа 1698 г.), во главе круга находились служилые люди... (в числе первого десятка упомянут Пётр Суриков – ВО) и другие деятели прежних бунтов и последней шатости при Дурново. Всенародная «дума» красноярцев на площади продолжалась более часа и решила употребить силу против Дурново, если он добровольно не оставит города.

Поставив у Спасской башни караул в 30 человек и направив большинство толпы к Преображенскому собору, оставшаяся часть наиболее активных бунтовщиков отправилась в малый город к воеводскому двору. Здесь они потребовали от Лисовского удаления Дурново из города, говоря: «нам на воеводство Семёна Дурново не надобно!». Лисовский обещал переговорить с Дурново и для этого отправился в «мыльню», где тот отдыхал после трапезы.

Около 4-х часов дня толпа подошла к бане и заявила вышедшему к ней Дурново, чтобы он уезжал, что до воеводства его не допустят. После долгих препирательств Дурново ушёл обратно в мыльню.

Вот как описывается этот эпизод в другом источнике:

*«... Дурново спокойно почивал в бане, когда к нему постучался Степан Лисовский... Дурново отпер дверь, оставив её незапертой. Пока они беседовали, к бане подошли служилые люди Афанасий Шалков, Фёдор Чанчиков, **Пётр Суриков** и др... Четыре человека ворвались в баню (Сурикова среди них уже не было. Он, очевидно, остался снаружи, охраняя вход в баню – ВО), стащили воеводу с постели за ногу, били его под бока и, схватив за руку и за волосы, в одном нижнем кафтане выволокли в предбанные сени и сбросили с лестницы... поволокли дальше, продолжая колотить и драть за волосы.»²⁶*

Вернёмся к описанию Оглоблиным, к его версии.

Часть бунтовщиков ворвалась в баню к Дурново. Тот стал кричать и бранить их. Он лежал на постели «в одном кафтане исподнем». На него бросились Мезенин и Шалков, «с постели сдёрнули за ногу и били под бока, и за волосы драли». Лисовский «унимал и прочь отталкивал, но они и его стали бить». Затем Дурново вытащили во двор, толпа подхватила его, била по щекам, за волосы драла, издевалась всячески. Лисовский пробовал его «отнимать», но безрезультатно. С воеводского двора повели Дурново к Преображенскому собору, где находились остальные красноярцы, сильно волновавшиеся в ожидании вестей.

Немедленно устроили подле собора «воровской круг» и стали обсуждать, что делать с Дурново? Толковали «с четверть часа» и почти единогласно решили прибегнуть к старинному приёму – «посадить в воду» Дурново, т.е. утопить. Это решение объявили Дурново, «поставя во многонародный свой воровской круг», при чём снова били его. Лисовский снова пытался отнять его, но «его Семёна у него Степана из рук выхватили» и повели дальше, направляясь из малого города к реке Енисею.

Под влиянием уговоров Лисовского, толпа, пройдя Спасскими воротами в «большой город», остановилась здесь на торговой площади и снова составила «круг», чтобы ещё раз обсудить дело. Наиболее рьяные продолжали бить Дурново палками и издеваться над ним.

---

²⁶ Леонид Безъязыков. Красноярск изначальный. Красноярск. 1978. С. 176

Затем повели его к Енисею, причём всё ещё раздавались голоса, требовавшие казни. Но на реке убеждения Лисовского взяли верх: решено было посадить Дурново в лодку и отправить вон.

Красноярская шатость, 2 августа 1698 г. ВО.

Избитого Дурново втолкнули в лодку, а из толпы стали бросать туда «каменьям, для того чтоб тое лодку угрузить и его Семёна утопить». Тогда несколько сторонников Дурново и четверо его слуг вскочили с плота в лодку, стали выбрасывать камни в воду и готовились отча-

лить. Лисовский хотел уплыть с ними, но толпа его не отпустила, «а *Дурново в лодке (с его 9 спутниками) от плота отпихнули прочь на реку*», продолжая бросать в него камнями.²⁷

Таким образом, Дурново отправился в Енисейск и затем в Москву, а у оставшегося в Красноярске Лисовского слабело влияние в городе, власть уходила из рук. Но бунт постепенно стал затихать. На смену Лисовскому был прислан Яков Бейтон, которому с трудом удавалось утихомирить красноярцев.

Начавшееся ещё раньше следствие о красноярских волнениях стало тоже понемногу затухать, встречая сильное сопротивление у красноярцев. «*По-видимому, дело о Красноярском бунте было предано воле Божией...*»²⁸

Назначенный в 1700 году воеводой Петр Савич Мусин-Пушкин успокоил горожан, и все вернулось в привычное русло. Однако дело о красноярской шатости тянулось аж до 1708 года, когда в Московском Тайном приказе продолжали пытаться братьев Башковских и некоторых красноярцев, выискивая зачинщиков.

Подводя итог этому рассказу, следует сказать, что братья Петр и Илья Суриковы, хотя и не были на первых ролях в бурных красноярских событиях самого конце 17-го века, но играли в них заметную роль, хотя и разную по степени участия. Казак Петр Суриков, в отличие от брата Ильи и двух других братьев (Григория – старшего, и Ивана – младшего) принимал самое активное участие во многих событиях борьбы с воеводами. Как теперь установлено, именно он является прямым пращуром будущего знаменитого художника Василия Сурикова.²⁹

Дом казаков Суриковых, упоминаемый Н. Н. Оглоблиным в статье «Красноярский бунт 1695—1698 годов» сгорел в 1773 году.

---

²⁷ Н.Н.Оглоблин. Красноярский бунт 1695—1698 гг. (Очерк из истории народных движений в Сибири). С.-Петербург. 1902. С. 36—40

²⁸ Н.Н.Оглоблин. Там же. С.45

²⁹ Как говорилось выше, не так давно была распространена версия происхождения рода художника В. Сурикова от десятика Илья Сурикова, являвшегося, якобы, отцом Петра Сурикова, однако по многим источникам они были братьями. Имеется даже свидетельство того, что, когда Илья позднее сменил свою фамилию на Нашивошников, он при этом называл Петра Сурикова своим братом (ЦГАДА Ф. 371. Оп. 1. Д. 1869. Л. 54—54 об.)

3. МЕТАМОРФОЗЫ ФАМИЛИЙ. ОБРАТНЫЙ ХОД – ОТ НАЧАЛА ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА К НАЧАЛУ СЕМНАДЦАТОГО

Прежде чем продолжить славный нашивошниковский род, связанный с родом Суриковых, от конца 17-го века до наших дней, нужно решить принципиально важный вопрос – как и откуда эти роды появились, были ли у них достоверные предшественники в Сибири и других местах, хотя бы с начала 17-го столетия? И самое главное – откуда взялись фамилии Нашивошниковых и Суриковых?

Причина этих вопросов очевидна, так как нам нужно помнить, что красноярский казак Илья имел фамилию Суриков, а затем сменил её на фамилию Нашивошников.

Начнём с Сурикова, потом перейдём к Нашивошниковым, а затем снова вернёмся к Суриковым и постараемся «поженить» эти фамилии.

Как уже было сказано выше, доводилось мне встречать в бескрайнем интернете разные «достоверные» сведения о совсем дальних предках художника Сурикова. Богатая фантазия историков-искателей уверяла нас, что казаки Суриковы пришли в Сибирь вместе с самим Ермаком! Доходило до смешного. В легендарных местах ермаковских сражений с ханом Кучумом находились старожилы, которым их предки, якобы, рассказывали правдивую историю, передававшуюся из поколений в поколения, что был казак Суриков, сподвижник Ермака, участвовавший вместе с ним в покорении Сибири.

Справедливости ради, нужно сказать, что эти фантастические истории в последние годы почти исчезли из интернета, но в моей памяти остались.

Встречалась и другая интересная версия о том, что казак Суриков был в числе соратников Андрея Дубенского, посланного в 1623 году для строительства Красноярского острога, положившему начало городу Красноярску. Но и эта «правдивая история» никакими историческими документами не подтверждается.

А подтверждается лишь один бесспорный факт, что до конца 17-го века в городе Красноярске и его окрестностях не было никаких Суриковых, как, впрочем, и Нашивошниковых. Это убедительно показывает «Переписная книга г. Красноярска и Красноярского уезда» 1671-го года.³⁰

Откуда же взялись эти Суриковы и Нашивошниковы конца 17-го – начала 18-го веков?

Как уже понял мой любезный читатель, я не один год и не одно десятилетие был озадачен этим вопросом. Я внимательно изучил все доступные исторические источники, сотни исторических актов и документов, касающихся Сибири того времени и *в них практически не было упоминаний* (за редкими исключениями, о которых я скажу ниже) *этих фамилий раньше конца 17-го века!* В этом я вижу главную причину того, что многочисленные добросовестные исследователи рода художника Сурикова не смогли углубиться раньше самого конца 17 века, остановившись на известных нам Петре и Илье Суриковых.

Когда после нескольких десятилетий тщетных поисков моих предков ранее конца 17-го века я недавно снова озадачился этой проблемой, мне пришла мысль искать в Сибири не сами фамилии – Нашивошников и Суриков – а их «косвенные следы», исходя из того факта, что могли иметь место схожие фамилии и прозвища. Нужно сказать, что в этот период еще не закончился процесс формирования русских фамилий. Позже, уже при правлении Петра

---

³⁰ Научные труды академика СВ. Бахрушина т. IV стр.217—230.

Первого был даже издан царский указ, требовавший неукоснительной замены очень распространённых прозвищ российских подданных на полноценные фамилии.

Я начал вспоминать и искать аналогичные прозвища, которые могли трансформироваться в фамилии моих предков. В связи с фамилией Нашивошников, которую, напомним, получил мой красноярский предок Илья вместо прежней фамилии Суриков, оказалось не так сложно найти её концы в сибирской истории середины 17-го столетия.

Сейчас уже можно с большой уверенностью утверждать, что наиболее вероятным представителем старинного рода Нашивошниковых был некто **Михаил Петрович Нашивочник**, он же Мишка Петров сын Нашивочник. Оказалось, что эта ветвь рода Нашивошниковых имеет своё обозримое начало в Москве середины 17-го века. И здесь уместно сделать очередное историческое отступление в столицу России этого периода. С Михаилом Нашивочником оказались связаны события известного Соляного бунта.

«Соляной бунт (Московское восстание 1648 года) – одно из крупнейших городских восстаний периода царствования Алексея Михайловича. Причиной волнений стало недовольство «тяглого» населения деятельностью главы правительства Бориса Морозова и его сподвижников. Политика бояр привела к увеличению налогового бремени и повышению цен на соль в несколько раз. В восстании принимали участие посадские люди, городские ремесленники, стрельцы.

Восставшие разорили многие боярские дворы, устроили поджоги в Белом городе и Китай-городе. В ходе бунта были убиты инициатор введения соляного налога Назарий Чистый, глава Пушкарского приказа Пётр Траханиотов и судья Земского приказа Леонтий Плещеев. Борис Морозов был отправлен царем в ссылку в Кирилл-Белозеский монастырь. Результатом московского восстания стал созыв нового Земского собора и принятие Соборного Уложения 1649 года.

Соляной бунт стал важным событием, способствовавшим росту социально-политической активности в России в середине XVII века. Волнения, вызванные повышением цен на товары, задержкой жалования, политикой правительства продолжались в различных регионах страны: на юге, в Поморье, в Сибири.»³¹

---

³¹ Википедия. Соляной бунт.

Соляной бунт в Москве 1648 года.

Вот как описывается это восстание в одной из исторических книг.³²

Когда 17 мая 1649 г. царский поезд (царя Алексея Михайловича, деревянный дворец которого в Коломенском недавно восстановлен по сохранившемуся макету – ВО), нагруженный платьем и едой, отбыл в Троице-Сергиевскую лавру, казалось, ничто не предвещало грядущей бури. Однако 1 июня, как только возвращающийся кортеж въехал в город, его обступила толпа и с воплями и стенаниями обратилась к царю с жалобами на насилия начальника Земского приказа Л. С. Плещеева. После того как царская карета проследовала дальше, челобитчики предприняли попытку подать челобитье царице.

Охрана грубо разогнала стоявших поблизости людей, а наиболее настойчивых скрутила и отправила в застенки Константино-Еленинской башни.

К царю обратились посадские люди, к ним, на второй же день, примкнули стрельцы, решительно отказавшиеся теперь разгонять пришедших из Кремля. В этот день и на следующий восставшие произвели массовый погром дворов бояр, московских дворян, дьяков, приказных людей.

3 июня восстание вспыхнуло с новой силой. Духовенство стремилось утихомирить восставших. Восстание нарастало с каждым днем. И 3 и 4 июня продолжался разгром дворов феодалов.

После казни Плещеева 3 июня в 2 часа дня в Москве в четырех местах начались пожары и за какие-нибудь несколько часов большая ее часть сгорела. Выгорел Белый город, в пределах которого жили в основном бояре, дворяне и крупные купцы.

---

³² Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине семнадцатого века (30-40-е годы). Воронеж, 1975. Со стр. 62.

«Горело на Москве – Петровка и Дмитровка, Тверская и Никицкая, Арбат и Чертолье в городе и за городом по Тресвяцкие ворота и по Неглинку и погорели все дворы, плавки, и церкви божие, и людей много пригорело за наше перед богом согрешение»

«В столице сгорело 2000 домов думных бояр и немало народа, а также больше половины города»

Несмотря на получение двойного жалованья, не успокоились и стрельцы, – они продолжали волноваться до января включительно.

Деятельное участие в московских событиях приняли служилые люди по прибору – стрельцы, солдаты и драгуны, собранные для отправки на Дон, а также приехавшие с челобитиями из других мест (с юга и из Сибири) казаки, казенные кузнецы, и др. Рядовые служилые люди по прибору на протяжении всего периода восстания проявляли недовольство и неповиновение.

Конечно, правительство пыталось задобрить их, раздавая деньги, угощая водкою и медом. Но, задабривая стрельцов, царь и нещадно карал их: партиями по 30—70 человек их отправляли в ссылку в Сибирь с лаконичной формулировкой – «за их вины» и «за многое воровство». Стрельцов ссылали «в службу» в Казань, Якутск, Красноярск, Томск, Енисейск. Многие ехали с женами и детьми, которые во время длительной и тяжелой дороги погибли. На новом месте их ждали неустроенность, вымогательство воевод и обжившихся здесь ссыльных дворян.

Позиция стрельцов по отношению к восстанию была противоречивой. Одни стрельцы поддерживали народ, другие – правительство. Некоторые стрельцы из приказа Петра Образцова подали извет с просьбой сослать 33 стрельца из приказа А. Г. Юсова из Москвы в Сибирь за то, что они «ходят за всяким воровством». 13 июня 1648 г. грамота была передана в Сибирский приказ, а 14 июля подьячий Дмитрий Трофимов привел 33 человека в тюрьму и сдал под расписку ключарю. Большинство из них было сослано «в службу» в Якутский острог на реку Лену, некоторые – с женами и детьми.

Но вот мы добрались до нашего персонажа. Условия следования в Сибирь были очень тяжелы. Особенно большие предосторожности в дороге принимались по отношению к беглым стрельцам. Так, например, о *стрельце Михаиле-нашивочнике* из приказа А. Полтева, *сосланного в Тобольск с женой и тремя детьми*, 19 ноября 1649 г. писали в наказе:

«...ехать... нигде не мешкая, и вести его скована и беречь накрепко, чтоб тот колодник над собою какова дурна не учинил и с дороги и с стану не уиол...»³³

Таким образом, было сослано в Сибирь несколько сот стрельцов по незначительным причинам и множество лиц подверглось телесным наказаниям. Вот лишь несколько примеров:

Сосланных в Казань и бежавших оттуда стрельцов Ивана Моисеева, Корнея Алексеева и Федора Максимова с семьями отправили из Стрелецкого приказа на р. Лену.

«Июня в 5 день, после пожару, приходил тот человек Стенька с воровскими людьми на Давыдов двор грабить погреба». После того как его пытались «сдать на караул» около Каменного моста, он бежал и лишь 18 июня был снова пойман, приведен на хозяйский двор и так жестоко избит, что крикнул *«государево слово»*, означавшее политические показания. Затем 19 июня он попал в Стрелецкий приказ. Без суда и следствия он был бит кнутом и брошен в тюрьму, а затем сослан *«в опалу»* на р. Лену в Сибирь. На Лену попали холопы гостинной сотни торгового человека М. Ревякина – Овдоким Вахромеев и Семен Овдокимов *«за их воровство»*.

---

³³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 369, лл. 19, 22.

Таким же путём в 1649 году попал в Тобольск Михаил Петрович Нашивочник, где его судьба тесно переплелась с другими моими предками, о чём я поведаю чуть ниже. А здесь очень важно заметить, что уже в 1661 году *Мишка Петров сын Нашивочник* также известен в числе стрельцов сибирского города Тобольска, где он мог жить и в последующие годы с женой и тремя или большим числом детей. В том же списке тобольских стрельцов 1661 года фигурирует Фетка Фёдоров сын Нашивочник, но в отличии от Михаила Нашивочника, мы не можем установить его связь с будущим красноярским родом Нашивошниковых.

Был ещё в Тобольске 1710 года конный казак Семён Фёдоров сын Нашивошников. Было ему тогда 45 лет, имел жену Анну Минеевну 40 лет и четверых детей. Через 11 лет тобольский Семён Нашивошников станет сыном боярским (т.е. на государственной службе) и будет упомянут в деле о самовольном винокурении. Он вполне мог быть сыном тобольского стрельца Фетки Нашивочника. В Тобольской губернии того же времени были и другие Нашивошниковы, например, «*крестьянин Алексей Марков сын Нашивошников сказал себе от роду 55 лет, у него жена Лукерья 40 лет, дети Козма 8 лет, дочь Марья 4 лет*» или «*...у него же живет на подворье пришлой человек бобыль Фаддей Кирилов сын Нашивошников 50 жена у него Татьяна 45 сын Онтон 3*» – однако и они, видимо, тоже напрямую не связаны с нашими интересантами. Однако обширный тобольский клан Нашивошниковых – важное подтверждение тобольских корней этого рода, связанных, скорее всего, с прибытием в Тобольск Михаила Нашивочника с семьёй в 1649 году.

Кроме тобольских Нашивошниковых в Сибири и за ее пределами этого периода имелись и другие лица с аналогичными прозвищами, но их прямая связь с нашим родом Нашивошниковых, по крайней мере, насколько мне удалось установить с моими скромными возможностями, – также мало вероятна. Скоро я объясню, почему.

Кто же из других Нашивошников и Нашивочников нам известен?

Это рядовой Ивашко Нашивошник³⁴, который, казалось бы, мог быть отцом Ильи Ивановича Нашивошникова (нашего основного красноярского предка), но по своему возрасту он никак не мог им быть.

Из Томских фамилий 17-го века (до 1680 г.) известен род Шелковниковых. Родоначальник казак (первое упоминание в 1630 г.) Дружинка Микиткин сын Шелковник (Нашивошник). Меня поначалу заинтересовала связь прозвищ Шелковник и Нашивошник. Я даже разыскал несколько известных Шелковниковых того времени. О самом известном из них я скажу позднее в связи с другим не менее важным персонажем. Но потом я отказался от этой недостаточно обоснованной версии.

Вернёмся же к Дружинке с двойным прозвищем Шелковник-Нашивошник. В найденных мною документах первой половины 17-го века он фигурирует уже без прозвища Шелковник. Вот, что о нём известно:

«*Нашивочник Дружина (Дружинка) Никитин (Микитин) сын – конный казак десятка Л.И.Губы. Верстан из пеших казаков десятка А. Дорохова 25 июля 1631 г. взамен убитого (Васки) ... После 18 мая 1631 г. послан на годовую службу в Мелинский острог.*»³⁵

Приведенные ниже сведения о Дружинке Нашивочнике относятся к периоду за три года до крупного Томского восстания, в котором он мог потом участвовать:

«*Пешим казакам за 1630 г. в 1631 году дано: Дружинке Микитину 4 рубля семь алтын две деньги...*»³⁶

---

³⁴ Тобольск. Переписная книга (служилым воинским людям). 1696 г

³⁵ Приходные книги Томского города 1630—31 года (стр. 53, 65, 75, 114).

³⁶ Там же, с.53

«И в нынешнем (1631) году... оклад ему велено учинит сем рублёв.»³⁷

«Дружинке Микитину сыну Нашивочнику... на 1631 г. дано государево жалованье 4 рубля с четвертью. Взял сам. 25 июня по его челобитию велено быть в конных казаках.»³⁸

«18 мая посланным в Мелесский острог на годовую, дать государево жалованье вперёд на 1632 г. половину оклада... рядовым... Дружинке Микитину... по 2 рубля по четыре алтына с деньгой человеку.»³⁹

Дружинка мог быть родственником предков красноярских Нашивошниковых, но его дальнейшая судьба и прямые потомки неизвестны. Он мог быть убит в боях или во время Томского восстания.

За пределами Сибири известно в этот период ещё несколько Нашивошниковых. В Курске (1623—24 гг.) известен Герасим Нашивочник. В 1637 г. передал царскую грамоту Соликамскому и Пермскому воеводе Куземка Якимов сын Нашивошник.⁴⁰ Однако их связи с будущим красноярским родом Нашивошниковых мною не установлены.

Иначе обстоит дело с Офимьей Ивановной Нашивошниковой. В исторических документах 17 – начала 18 веков почти не встречаются упоминания о женщинах того времени, поэтому скудные сведения о ней меня заинтересовали. В переписи по городу Вятке 1710 года имеется запись: В переулке от Московской башни к Ыльинской улице в числе прочих лиц с другими фамилиями проживала работница, вдова *Офимья Иванова дочь Нашивошникова, 70 лет*. Был у неё в то время уже другой молодой муж – Степан Федоров сын Молчанов 47 лет. По всей видимости, Офимья Ивановна была женщиной интересной даже в преклонные годы и выходить замуж ей было не вновь, что не маловажно для наших дальнейших рассуждений.

Судя по возрасту, она родилась в 1640 году и вполне могла ранее жить в Сибири – миграция русских женщин в Сибирь и обратно в центральную Россию была очень распространена. Она вполне могла быть женой Михаила Петровича Нашивочника, быть сосланной с ним и тремя детьми из Москвы в Тобольск и быть матерью моего достоверного предка Ильи Ивановича Нашивошникова.

Но теперь возникают главные вопросы. Если Илья мог быть сыном Офимьи и Михаила Нашивошниковых (по возрасту всех это вполне возможно) и в конце концов взять их фамилию, то откуда взялась его прежняя фамилия Суриков? А также, почему Илья имеет отчество Иванович?

Чтобы ответить на эти непростые вопросы, мне пришлось очень долго и тщательно искать следы Суриковых в Сибири 17-го века. Но как я уже говорил, Суриковы этого периода в Сибири и практически во всей России не встречались!

Итак, Суриковых не было. А кто же был?

Был в Самаре 1614 года Государев оханщик (ловец рыбы сетями) Якушко Сурьянов, он же Янка Сорьянов⁴¹ – характерный пример трансформации имени и фамилии одного человека в одном историческом источнике.

Был уже на территории Сибири в Верхотурске 1677 года Микишка (Никита) Сурихин – староста ямских охотников (ямщиков).⁴²

---

³⁷ Там же, с.65

³⁸ Там же, с.75

³⁹ Там же, с.114

⁴⁰ Расходная книга Синбирской Приказной Избы в 1665 г.

⁴¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб, 1841 Том третий. С. 421, 427

⁴² Дополнения к актам историческим. Т. 7, С. 272

Теперь самое время проследить жизненный путь персонажей, имевших *прозвище Суря*, так как, по моим достаточно обоснованным предположениям, именно от этого прозвища с большой вероятностью *произошла сибирская фамилия Суриков*.

И здесь следы этого прозвища, так же как Михаила Петровича Нашивочника, идут из Москвы начала 17-го века и даже более раннего периода.

В Списке московских служилых людей, составляющих опричный двор Ивана Грозного, от 20 марта 1573 года упоминается некто **Фетка Суря Яковлев**. Он принадлежал к категории «*Государевы царевичевы стадные конюхи*», получавших довольствие «*по 3 рубли человеку да хлеба по 11 четви с полуосминою ржи, а овса тож*». Очевидно, что по своему отцу он был «Яковлев сын», а прозвище имел Суря. Дальше следы этого человека не обнаружены, но наверняка он имел потомков в Москве более позднего периода. А **Яков Суря** вполне может считаться самым ранним известным представителем будущего рода Суриковых с *середины 16-го века*.

В древние времена в Москве при отражении нападения «ордынцев» и «литвы» слишком часто приходилось быть «фронтовым городом». Поэтому перепись населения проводилась с одновременным учётом находящегося у него оружия. В Переписной книге 1638 года мы видим имена домовладельцев с проживавшими у них дворовыми людьми (и наличествующим в домах оружием), на которых государь мог рассчитывать на случай нападения врага. Здесь мы находим:

*«Двор князя Петра князь Иванова сына Бабичева, у него человек
Ивашка Суря с пищалью»⁴³*

Вот нам и встретился наиболее заметный по историческим источникам и с большой вероятностью главный герой-основатель будущего красноярского рода Суриковых (одновременно и рода Нашивошниковых) – **Ивашка Суря**, – дальнейшую судьбу которого мы по возможности тщательно проследим и найдём аргументы в пользу этой нашей смелой гипотезы.

Ивашка Суря вполне мог через десять лет стать участником московского соляного бунта 1648 года и вместе с Михаилом Нашивочником в числе других стрельцов быть сослан в Сибирь. Не исключено, что они могли быть знакомы, а их дальнейшие судьбы пересекаться. Как мы помним, Михаила Нашивочника сослали в Тобольск, а очень многих стрельцов по тому же источнику ссылали ещё дальше на Лену, в Якутский острог, откуда в этот период шло активное освоение дальних территорий Сибири – нынешнего Дальнего Востока.

Таким затейливым образом бывший московский «дворовый человек с пищалью», ставший затем «служилым воином» стрельцом и участником московского бунта, Ивашка Суря, оказавшись в царской опале, попадает в далёкую Сибирь. Точнее сказать – в построенный незадолго до этого неподалёку от нынешнего Якутска Ленский острог.

Какие события происходили с Сурей с 1648 года, периода московского восстания и последующей ссылки, до года 1650 можно лишь догадываться. Но легко предположить, что ещё в Москве или по пути в Сибирь до Тобольска он так или иначе был знаком с семьёй Михаила Нашивочника, что позднее сыграло важную роль в становлении будущего рода Нашивошниковых-Суриковых.

Что же нам точно известно об Ивашке Сури сибирского периода его жизни?

В начале 50-х годов 17-го века шло активное завоевание и освоение русским казачеством дальних рубежей Сибири до берегов будущего Охотского моря. Приведём несколько фрагментов исторических документов, касающихся этой военно-географической кампании из переписки ее участников. Из письма Ленскому воеводе:

---

⁴³ История храма вмч. Георгия Победоносца в Старых Лучниках на Лубянке. Международный благотворительный фонд исторического наследия «Православная Таганка». Москва 2014. с. 26—27

«В прошлом 1650 г... по государеву указу указали вы мне Сенке (Семену Епишеву – ВО) идти из Ленского острогу на государеву службу с служивыми людьми на большое море Окиян на реку Улью и Охоту... на перемену десятнику Семену Шелковнику (скончался в 1648 году – ВО) ... В марте 1651 г. со мной пошло 28 человек...»⁴⁴

В этой экспедиции и событиях с нею связанных мы встретим нашего героя – Ивашку Сурю. Но прежде я хочу сделать небольшое отступление и сказать несколько слов об упомянутом выше Семёне Шелковнике. Хотя одна из моих версий о связи фамилий (прозвищ) Нашивошник и Шелковник не нашла убедительного подтверждения, судьба Семёна Шелковника сама по себе была весьма героической.

Вот краткое описание последних лет жизни человека, ставшего первооткрывателем новых земель и основателем города Охотск.

Шелковник был деловой, предприимчивый и смелый казак, проживший тяжёлую жизнь, полную скитаний и опасностей. Он с первыми казаками пришел на Лену и в 1641 году был уже в Ленском остроге.

В 1644 г. тобольский казак Семейка Шелковник во время смуты в Ленском и Якутском острогах был пытан и сидел в тюрьме.

В 1645 г. ясачный сборщик служилый человек казачий десятник Семейка (Семен Андреев сын) Шелковник ходил с Васильем Поярковым из Якутска к Охотскому морю, на реку Охоту для ясачного соболиного сбора. Летом 1648 г. Семён Шелковник возглавил отряд из 40 человек, посланный из Якутска на побережье Ламского моря

В трёх километрах от устья р. Охоты поставили острог (Охотск) и перезимовали в составе 54 чел. Плавали по морю, воевали с эвенами. В том же году Семён Шелковник умер.⁴⁵

Но нам пора вернуться к походу «из Ленского острогу на государеву службу с служивыми людьми на большое море Окиян на реку Улью и Охоту» Семёна Епишева, начавшегося в 1650 году после смерти в Охотском остроге Семёна Шелковника. Вместе с Епишевым, очевидно, туда прибыл и Иван Сурия. О дальнейших событиях с активным участием этого нашего героя мы узнаём из следующих свидетельств.

В 1652 году в Охотском остроге случился заговор. В числе других смутьянов был Ивашка Сурия. Заговорщики требовали Сенку (Семёна Епишева) «без государева указа от дела отставить», построили за острогом избу где и сговаривались против него. Угрожали уйти из острога со всем добром, а Сенку убить. На что Епишев жалуется в высшие инстанции: «и ныне в таких их делах в их служивых людей в дурости государева служба стала и дел государевых делать не мочно: и в том что вы укажете?»⁴⁶

И далее:

«В 1652 г. в Охотске Ивашка Сурия с другими смутьянами отказался бить батогами неисполнителей царских указов».⁴⁷

Судя по всему, Сурия был одним из активнейших участников заговора. Ивашка Сурия с товарищами служивыми людьми «которые остаются со мною на Охоте реке... пришедши в съезжую избу с большим криком и не радуясь государевой службе, не дали государевых дел делать ...и моей Сенькиной головы ищущи...»⁴⁸

---

⁴⁴ Дополнения к актам историческим. Т. 3. С-П. 1848. С. 332

⁴⁵ М.И.Ципоруха. Первопроходцы. Русские имена на карте Евразии.

⁴⁶ Дополнения к актам историческим. Т. 3. С-П. 1848. С. 343.

⁴⁷ Там же

⁴⁸ Там же

Дальнейшая судьба Ивана Сури, как и Михаила Нашивочника, теряется в уже бескрайних по тем временам просторах Сибири и русского Дальнего востока, но, с большой долей вероятности, именно их потомков мы встречаем в Красноярске конца 17-го века. Для этого есть и реальные исторические предпосылки.

В 1677 году почти дотла сгорел Тобольск, куда был сослан Михаил Нашивочник с семьёй и где вполне мог оказаться Иван Сурия после своего бунтарского поведения в Охотске.

В конце 1670-х – начале 80-х в связи с осложнившейся обстановкой в Красноярске (частые набеги), приняты указы пополнить гарнизон Красноярского острога служилыми людьми (на сроки и постоянно) из других сибирских городов с женами и детьми, особенно ближних – Томска, Кузнецка, Енисейска, Тобольска, Якутска.

В апреле 1680 года случился большой пожар в малом острожке Красноярска, от которого сгорело много пищевых и военных припасов. Запасы пороха пополнили из Тобольска. В эти годы из того же Тобольска могли прибыть в Красноярск и братья Суриковы.

По одной из версий известного нам крупного красноярского историка (по словам красноярских краеведов, и большого «путаника» в деталях, часто доверявшего сбор важных исторических сведений своим не всегда добросовестным аспирантам, в чём я несколько раз убеждался и сам) – Геннадия Быкони, *Илья Суриков* имел отчество Максимович. Позже было установлено, что его отчество *Иванович*, (о документе, подтверждающем это, будет сказано позднее – ВО) но, вполне возможно, что, по неизвестным мне источникам, у Ильи Сурикова могло фигурировать и отчество Михайлович (по отцу или отчиму Михаилу Нашивочнику), которое в руках Быкони превратилось в отчество Максимович. Совсем недавно в одной из публикаций Быкони встретил его «чистосердечное признание»: «*В моём с Л. Б. Гардером переводе по гранкам опубликованного в 1962 году первого тома (имеются ввиду Дневники Мессершмидта, но я впервые слышу об этом переводе, да ещё такой давности – ВО) ошибочно сказано, что хозяином был сибирский дворянин Иван Максимович Суриков. См.: Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска*»

Пора подвести промежуточный итог появления фамилий Суриков, позднее – Нашивошников, у нашего героя Ильи, известного нам ранее по событиям Первой Красноярской шатости самого конца 17-го века.

Жена Михаила Нашивочника могла позже или раньше быть женой Ивана Сури и иметь от него детей. Это могла быть Офимья Ивановна Нашивошникова с фамилией одного из мужей – Михаила Нашивочника. Теоретически Офимья Ивановна могла бы быть даже дочерью Ивана Сури, но это маловероятно, так как тогда труднее объяснить появление и сохранение фамилии Суриковы. Здесь возможны разные варианты возникновения связи Нашивошниковых и Суриковых – детей Ивана Сури и Михаила Нашивочника – но эта связь многое объясняет.

Очерёдность замужества Офимьи Нашивошниковой с Михаилом Нашивочником и Иваном Сурей и точную причину второго замужества – видимо, смерть первого мужа – мы сейчас не можем установить, но это не так важно. Илья Суриков (Нашивошников) был младше своих братьев – Григория, Петра, Ивана – и он, вероятно, был кровным сыном Михаила Нашивочника (поэтому позже взял его фамилию), но имел отчество, как и старшие братья по Ивану Сури. Тогда вторым мужем должен быть Михаил Нашивочник. Но все тонкости переплетений этих связей в то сложное историческое время мы вряд ли уже сможем восстановить, хотя для нас важнее, что эти связи были и во многом объясняют последующие события с возникновением фамилий Суриковы и Нашивошниковы.

По непроверенным мною сведениям (архивы в оригиналах мне недоступны!), кто-то из Нашивошниковых с сыновьями (Суриковыми) прибыл в Красноярск между

1680 и 1690 годами. Вполне возможно, что это был их отец или отчим Михаил Нашивочник, который вскоре мог скончаться. Могли братья Суриковы попасть в Красноярск и самостоятельно, так как были в это время уже в зрелом возрасте.

Интересно, что в самой последней известной мне публикации Г.Ф.Быконя о предках художника Сурикова, некий Михаил указан отцом братьев Суриковых, прибывших в Красноярск в конце 17 века. Возможно, Быконя тоже «докопался» до Михаила Нашивочника, но подробности этого факта мне неизвестны.

Теперь уже можно смело констатировать, что самые древние известные мои предки оказались моими земляками. Их исторический путь с конца 16-го века по конец 17-го пролегал по маршруту Москва-Тобольск (Якутск, Охотск) -Красноярск.

Не менее трудно, чем разобраться с истоками фамилий Суриковы и Нашивошниковы, оказалось понять причины смены фамилии Ильи с Сурикова на Нашивошникова. И хотя мы установили, что он мог иметь прямое отношения к обеим фамилиям (прозвищам), найти однозначные и бесспорные мотивы такого неординарного решения, скажу честно, мне так и не удалось.

Удивительная смена фамилии одного из участников Первой Красноярской шатости Ильи Сурикова произошла не сразу. Он не менее 10 лет среди жителей Красноярска вместе со своими братьями оставался Суриковым.

Совсем недавно я был в очередной раз удивлён Геннадием Быконей по весьма приятному поводу. Оказывается, смена фамилии Ильи с Сурикова на Нашивошникова происходила постепенно и началась значительно раньше, чем я предполагал. То есть он попеременно назывался то Суриковым, то Нашивошниковым:

«Дальнейшие поиски сведений о Суриковых привели к неожиданному результату. Оказывается, Илья неоднократно назывался и Нашивошниковым. Так, накануне восстания в окладной книге денежного жалованья казакам за 1694 год во всем гарнизоне числилось только два Ильи, в том числе десятник конной сотни Ильи Нашивошников, получавший 7 руб. 50 коп.»⁴⁹

В этой же статье Быконя дальше пишет:

«Данные документов за последующие годы, включая подворную 1710 и подушную 1720 годов переписи, будто бы свидетельствуют, что в Красноярском казачьем войске служили две одинаковых по именнику фамилии Нашивошниковых и Суриковых. В официальных документах десятник конных казаков Ильи далее именуется только Нашивошниковым.»⁵⁰

Эта важная находка «льёт ещё больше воды на мою мельницу». Очень вероятно, что Илья всегда считал себя по крови Нашивошниковым. Его кровным отцом был Михаил Нашивошников, а отчество досталось от Ивашки Сури. Получается, что приведённый выше документ 1694 года является самым первым из найденных упоминаний братьев Суриковых в лице одного из них – Ильи Нашивошникова-Сурикова.

В официальных документах, начиная с 1711 года, а, как выяснилось, и раньше, он фигурирует под фамилией Нашивошников. Посмотрим эти и другие свидетельства.

---

⁴⁹ Г.Ф.Быконя. Кто основал Саянский острог- Илья Нашивошников или Илья Суриков? / Сборник материалов научно-практической конференции «Древние поселения Сибири: охрана, сохранение, использование», посвященной 295-летию Саянского острога (26 июля 2013 г.) п. Шушенское. С. 33

⁵⁰ Там же, с 33

Вот, что известно по не полностью сохранившейся Переписной книге города Красноярска и уезда 1710 года. В ней упоминание об Илье, к сожалению, оказалось утерянным с некоторыми другими частями документа.

(л.24) *«Во дворе пешей казак Григорей Суриков (старший брат Ильи) з женою (л.24об.) Степанидою детей у него сын Иван з женою Матреною у них сын Иван 3 у негож Григорья живут два зятя Ефим з женою Парасковьею детей детей у них сын Лев 6 дочери Варвара 9 Ефросинья 4 Маремьяна 3 зять Клим з женою Марьею у негож живет племянник Тимофей з женою Парасковьею у них сын Иван 5 недель у негож вскормленица иноземка Степанида 20 лет...»*

(л.25) *«Во дворе церкви Покрова Пресвятыя Богородицы Федор Ошаров...»* (Отец будущего зятя Ильи)

(нет лл. 26, 27)

(л.28) *«Во дворе пешей казак Петр Суриков (брат Ильи) з женою Парасковьею у него дети сын Михайло 18 Василей 10 Алексей 7 Лев 3 дочь Анна 22 Евдокия 17 Марья 16 Матрены две близнята по 12 лет и буде он Петр сказал ложно и за ложную ево скаску указал бы великий государь казнить ево смертию...»*

(нет лл. 29—32)

(л.33) *«Во дворе пешей казак Иван Суриков (брат Ильи) з женою Федосьею детей у него сын Филип 7 Карп 5 дочь Авдотья 12 лет...»*

Указаний на самого Илью с семьей в этом документе не сохранилось.

По сведениям Г.Ф.Быкони, *Илья Нашивошников* по ландратской переписи 1713 года показан *конным сотником*. Семья его состояла из 8 человек, из которых трое были мужского пола. Судя по наличию 3-х дворовых людей, Илья был довольно зажиточным человеком. Через дочь Прасковью (1701—1780) Илья породнился с местным духовенством, выдав ее замуж за священника Покровской церкви Григория Федоровича Ошарова (1702—1782). Они с братом Петром (жившего отдельным двором) и их дети продолжали служить.

По более поздним сведениям красноярской переписи 1719—1722 годов, *Илья Нашивошников* числится уже *дворянином*, но об этом «карьерном росте» я скажу подробнее позднее, а пока:

«Двор дворянина Ильи Нашивошникова. И он, Илья, под опасением смертные казни сказал: он, Илья, – пятидесять шести лет. Детей у него: сын Иван – дватцати семи лет, Федор – четырнатцати лет. Дворовых людей крепосных: Осип – дватцати лет, Л [еонт] ей – тритцати лет; закладной [человек] Игнатей – четырна [тцати лет]. У Ивана сын Петр – тритцати недель, дворово [й ... –] тритцати пяти лет. Сын у него Семен – четыре [х лет. А бу] дет он, Илья, сказал что ложно, и за такую ево [ложную скаску] указал бы Великий Государь казнить смертию. К сей ск [азке по] велению отца своего Ильи Нашивошникова [сын его] Федор Нашивошников руку приложил».⁵¹

О брате его, Петре Сурикове, имеется такая запись:

«Двор пешего казака Петра Сурикова. И под опасением [смер] тьные казни сказал, что он, Петр, – шестидесять лет. Де [тей] у него: сын Михайло – дватцати восьми лет, Василей – [... -] натцати лет, Алексей – семьнатцати лет, две [...] лет. А буде он, Петр, сказал что ложно, и за такую [ево ложную] [скаску] указал бы Великий Государь казнить

⁵¹ Перепись города Красноярска и его уезда 1719—1722. М. 2014. С.73

смертью. [К сей] [скаске] по велению от [ца сво] его Петра Сурикова [...] [Л] ев Суриков (Петрович?) руку приложил.»⁵²

В переписи 1720 года снова упоминается семья старшего брата Суриковых – Григория:

«Жив был и старший из братьев, 70-летний отставной казак, неграмотный Григорий, который воспитывал трех внучат: Ивана – 11 лет, Федора – 8 лет и Ивана же – трех лет. Они, скорее всего, были детьми Ивана и другого неизвестного нам сына Григория, от которого остался Федор – племянник 16-летней Овдотьи. Оба отцы внучат Григория отсутствуют по первой переписи, как, скорее всего, ушедшие из жизни...»⁵³

В этом же документе находим семью будущего зятя Ильи Нашивошникова, Григория Ошарова, ставшим через несколько лет мужем дочери Ильи – Прасковьи:

«Двор Покровские церкви дьячка Федора Ошарова. И он, Федор, под опасением смертные казни сказал: он, Федор, – сорока [лет], сын у него Григорей четырнадцати лет. А будет [он, Федор], сказал что ложно, и за такую ево ложную скаску [указал] бы Великий Государь казнить смертью. К сей скаске [по велению] сына своего Федора Ошарова отец ево Микита Оша- [ров рук] у приложил.»⁵⁴

Я подробно показал подлинные документальные записи о наших героях, чтобы нагляднее представить, как выясняются их родственные связи, возраст, имена и число детей и других постояльцев. Но в этом документе лица женского пола (жёны, сестры, дочери и пр.) не учитывались. О них приходилось узнавать из других источников.

Сделаю ещё небольшое отступление. Я уже говорил о «загадочных» обстоятельствах смены фамилии Ильи. Вот эти источники, которые поначалу ввергли меня в изумление и спровоцировали потом неприятную историю с Г.Ф.Быконей. Это фрагменты дневников известного путешественника петровских времён Даниила Готлиба Мессершмидта (жившего в доме Ильи в периоды его пребывания в Красноярске) и его спутников, не переведённые тогда на русский язык.

(Когда я заканчивал эту книгу, неожиданно узнал, что дневники Мессершмидта всё-таки перевели на русский язык: Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск-Абакан-Красноярск. 1721—1722. (2012г., Абакан, издательство Коопертив «Журналист»). Однако прочитать эту книгу я пока не смог и приводимые из неё цитаты взяты из немецкого издания в моём переводе со старонемецкого примерно за 20 лет до перевода этой книги на русский.)

24 февраля 1722 года экспедиция Мессершмидта впервые прибывает в Красноярск, и жена коменданта устраивает его на квартиру в доме Ильи. У Ильи в это время в числе детей и других домочадцев был взрослый сын Иван, несущий государственную службу при воеводской канцелярии. Ему ещё будет посвящена отдельная глава, где мы узнаем ещё много интересного. Но обратимся к дневникам Мессершмидта:

---

⁵² Там же. С.59

⁵³ Г.Ф.Быконя. Кто основал Саянский острог- Илья Нашивошников или Илья Суриков? / Сборник материалов научно-практической конференции «Древние поселения Сибири: охрана, сохранение, использование», посвященной 295-летию Саянского острога (26 июля 2013 г.) п. Шушенское. С. 42

⁵⁴ Перепись города Красноярска и его уезда 1719—1722. М. 2014. С.74

«2 мая 1722. Сегодня вернулся из Абаканского острога хозяйский сын Иван /Суриков/, где он переписывал солдат (казаков – ВО)»⁵⁵

Иван фактически становится его секретарём и экспертом по географическим, политическим и другим вопросам. Обратим внимание, что Иван Суриков назван «хозяйским сыном», т.е. сыном Ильи Нашивошников-Сурикова.

«7 мая 1722. Иван Суриков должен составить Доношение к моему деловому визиту и сразу доставить в Канцелярию».⁵⁶

Иван Суриков постоянно выполняет и другие важные поручения Мессершмидта.

Во время своего вторичного пребывания в Красноярске после небольшого путешествия Мессершмидт возвращается на прежнюю квартиру:

«5 октября 1722. Я сам нашел свою прошлую квартиру у дворянина по имени Ильи Нашивошников-Суриков, мне оставленную, которую я тут же занял...»

И дальше:

«6 октября 1722. Мой хозяин, Илья Нашивошников-Суриков, очень настойчиво просил не беспокоить его с моим расквартированием, так как он весной это бремя уже нес.»

«7 октября 1722. (воскресенье) была чудесная погода. Воевода предложил мне сегодня по требованию моего хозяина, Ильи Нашивошникова, другую квартиру...»

Теперь он уже иначе называет и Ивана, когда даёт ему очередное поручение перед окончательным отъездом из Красноярска:

«4 апреля 1723. Я велел сегодня придти ко мне писарю Ивану /Ильичу Нашивошникову-Сурикову/ и подготовить донесение или промеморию, как это русские... называют, касающееся подготовки моего путешествия...»⁵⁷

Таким образом, мы воочию убеждаемся в одновременном существовании в семье Ильи сразу двух фамилий. Видимо, в простом обиходе они помнились как Суриковы, но постепенно и в официальных обращениях всё больше фигурировали как Нашивошниковы.

Смена фамилии Ильи могла произойти в связи с значительными изменениями в его социальном статусе в начале 18-го века. Мы помним, что во время Первой Красноярской шатости он был казачьим десятником, но примерно через 10 лет он становится конным сотником и сибирским дворянином, а его дети – «сыновьями боярскими». Остаётся важный вопрос: каким образом мог произойти такой значительный «карьерный рост»?

Нам невозможно исчерпывающе и точно ответить на все эти сложные вопросы. Напомню, что в частых пожарах практически полностью сгорели красноярские архивы того времени. Те материалы, которыми мы пользуемся, фактически чудом сохранились (как правило, в других местах) и фрагментарно дошли до нашего времени.

Последние годы 17-го столетия и последовавшие за ними были чрезвычайно бурными в истории Красноярска – Первая шатость, следствия по ней, смена власти, постоянная война с враждебными аборигенами и др. Эти факторы могли самым неожиданным образом влиять на судьбы красноярцев. Становление сибирского служилого дворянского сословия в этот

---

⁵⁵ «Forschungreise durch Sibirien 1720—1727», v. 1—4, В., 1962—68. С. 212

⁵⁶ Там же. С.214

⁵⁷ Дневники Мессершмидта, частично переведённые на русский язык, с... -32.

период шло непростым путём. Приведём историческую справку, иллюстрирующую этот процесс:

«До середины XVII в. правом верстать (зачислять на службу) в дети боярские обладали воеводы, затем такие верстания они проводили только с санкции разрядных воевод. С середины XVII в. Сибирский приказ и воеводы начинают проводить „разборы“ служилых людей, чтобы предотвратить пополнение этого сословия тяглыми людьми и ссыльными. Отныне верстания в дети боярские осуществлялись из числа их потомков с учетом заслуг... На протяжении всего XVIII в. в чины сибирских дворян и детей боярских зачисляли губернаторы с учетом выслуги, заслуг и в отдельных случаях происхождения претендента.»

При поверстании в дети боярские и сибирское дворянство очень часто менялись фамилии, что также могло иметь место в случае с Ильёй Суриковым и стать важным фактором превращения его в Илью Нашивошникова.⁵⁸

Не могу отказать себе в удовольствии и не привести образчик одного из способов сословного и карьерного продвижения, как раз в эти годы. Особенно поражает стиль этого прошения, лакейский и самоуничижительный.

«№36. 1694 г. Челобитная о поверстании в дети боярские.

Великим государям, царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всея великия, и малыя, и белыя России самодержцам бьет челом холоп ваш, нововерстанный сынчишко боярский Андрюшка Парфенов сын Степнов. По вашему великих государей указу и по грамоте, велено меня, холопа вашего, поверстать в вашу великих государей службу – в детишка боярского, и я, холоп ваш, поныне не приверстан.

Милосердные великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея великия, и малыя, и белыя России самодержцы, пожалуйте меня, холопа своего, – велите, государи, в ту свою великих государей службу – в детишки боярские по той своей великих государей грамоте поверстать, и в окладных, и в денежных, и в хлебных, и в соляных книгах имянишко мое справить.

Великие государи, смилуйтесь, пожалуйте!»⁵⁹

По известным нам фактам, Илья Суриков был человеком незаурядным, осторожным и дальновидным. Сначала служил воеводской власти, потом перешёл на сторону бунтовщиков, но действовал предусмотрительно, в экстремистских действиях не участвовал, в отличие от брата Петра. Он вполне мог пользоваться большим доверием новой власти.

К сожалению, мне пока не удалось выяснить, какие конкретные значительные заслуги Ильи Нашивошникова-Сурикова стали причиной коренного изменения его судьбы и социального статуса, получения сибирского дворянства, но сам этот факт уже не вызывает сомнения. В 1713 году он был уже конным сотником и мог до этого иметь значимые военные отличия в это бурное для Красноярска время.

Это подтверждается и в недавней публикации Г.Ф.Быкони:

«При красноярском воеводе Григории Полуэктове он в 1709—1710 годах четыре раза ездил в Москву с различными отписками, денежными 34 документами и росписями пушной казны. Примелькавшись в Сибирском

---

⁵⁸ Дополнения к актам историческим. Т. 8. С-П. 1862. С. 282.

⁵⁹ Кузнецов-Красноярский. Исторические акты 17 столетия. Вып. 2, Томск, 1897, с. 76.

*приказе, он в конце 1710 года производится в сотники конных казаков и получает почетное звание «дворянин сибирского списка».*⁶⁰

Первые годы нового 18-го века отличились большой активностью в отношениях красноярцев с их извечными врагами – енисейскими киргизами. Регулярно отправлялись посольские экспедиции во враждебную «мунгальскую землицу». Последнее крупное столкновение произошло по указу Петра Первого в 1701 году. В поход было отправлено более тысячи сибирских казаков. Большим красноярским отрядом (728 бойцов) руководил известный участник Первой шатости Конон Самсонов. Сражение шло с переменным успехом в течение пяти дней, погибло 36 русских, в том числе 8 детей боярских, и красноярский атаман Аника Тюменцев. В этом бою вполне мог отличиться своими незаурядными качествами и Илья Суриков.

Вскоре за этими событиями в 1703 году произошёл неожиданный и не до конца понятный массовый уход киргизов с верхнего Енисея. Это открыло красноярцам почти беспрепятственный более двухсоткилометровый путь до Саянского хребта и дальше по «саянскому коридору» Енисея в Урянхайский край – будущую Туву. Илья Нашивошников-Суриков имел не мало возможностей проявить свои военные и организаторские способности в это беспокойное время и получить большие милости от местной и центральной российских властей.

Известный красноярский персонаж 19-го столетия И.Ф.Парфентьев так пишет о своём предке по материнской линии (считавшимся основателем красноярского рода Нашивошниковых – ВО):

*«...1711 г (оду) ещё был казак Илья Иванович Наш (ивошник) ов, коему жалован был Петром Велик (им) Татышев остров в вечное владение, на что был акт с приложением печати Сибирскаго царства, который я по недостатку своих средств в 1864 г. продал П (етру) И (вановичу) Кузнецову, как любителю редкостей, за 130 рублей, а, может быть, П (ётр) Ив (анович) убедил меня к продаже и в тех видах, чтобы я не мог начать с городом тяжбы об этом острове, а он тяжёб сильно боялся...»*⁶¹

Я не мог найти документального подтверждение этому, но маловероятно, что это была лишь семейная легенда очень уважаемого и просвещённого человека. За какие конкретно заслуги был награждён наш герой, тоже неизвестно, но, очевидно, что заслуги были не малые, и казак Илья Нашивошников-Суриков стал сибирским дворянином, а его дети – потомственными «детьми боярскими».

Приятно сознавать, что в нашем роду когда-то был собственный большой остров на Енисее, расположенный в самом центре современного Красноярска. Жаль только, что «вечное владение» не продлилось до наших дней)).

Известно, что Илья Нашивошников в этот период часто выполнял различные важные поручения и миссии от местной и центральной власти. Это были военизированные походы и акции. Например, в 1716 году Илья был в Удинском остроге для сбора «ясашной казны». И, несмотря на уже немолодой возраст, продолжал проявлять большую энергию и активность, о чём мы вскоре узнаем.

Вот и становится понятнее таинственная метаморфоза смены фамилии и обретения звания сибирского дворянина нашим непосредственным предком Ильёй Нашивошниковым. Мы ещё вернёмся к его интересной судьбе в следующих главах этой книги.

---

⁶⁰ Г.Ф.Быконя. Кто основал Саянский острог- Илья Нашивошников или Илья Суриков? / Сборник материалов научно-практической конференции «Древние поселения Сибири: охрана, сохранение, использование», посвященной 295-летию Саянского острога (26 июля 2013 г.) п. Шушенское. С. 34

⁶¹ Воспоминания Парфентьева Ивана Федоровича (1777—1898). Рукопись из фондов Красноярского краеведческого музея. С. 54

4. СКАЗКА ПРО ИВАНА ИЛЬИНА СЫНА НАШИВОШНИКОВА

«И снова весна то ли 1716, то ли 1717 года. По еще крепко скованному льдами Енисею скользит вереница тяжело груженных саней. Их не меньше десятка. Один за другим остаются позади крутые скалы береговых „быков“ с казачьими караулами, что протянулись далеко вверх по Енисею к югу от Красноярска. Еще несколько дней пути и появится построенный лет десять назад Абаканский острог – последнее надежное пристанище на границах русской земли. А дальше „Саянский коридор“, непроходимые пороги и дикие скалы, за которые еще недавно ушли племена воинственных киргизов. Далеко ли и ушли и надолго ли – точно никто не знает...»

Так, по моим первоначальным представлениям могла начаться эта уникальная экспедиция. Позднее мне удалось прояснить её многие детали, которые позволили восстановить истинную картину связанных с ней событий.

Я долгое время был уверен, что непосредственным продолжателем нашей ветви рода Нашивошниковых был сын Ильи – **Иван Ильич Нашивошников (1690-?)**. И сейчас я не перестаю в это верить, хотя обнаружились несколько иные данные. О них я расскажу в следующей главе, а сейчас – Иван и только Иван!

Я уже приводил эту цитату, положившую начало всем моим многолетним изысканиям собственных корней. Напомню ещё раз:

«Научное изучение Южно-Енисейского края до щек Енисея и Саянского водораздела к востоку и западу от этой реки началось почти одновременно с его занятием⁶², т.к. уже в 1716—1717 годах дети боярские Андрей Еремеев и Иван Нашивошников отправлены были вверх по реке Енисею для разных географических в нем разведок и для выбора мест, удобных для постройки острогов и караулов. Они составили первую карту этого края и при записке, содержащей его описание, представили ее красноярскому воеводе»⁶³.

Во время моего первого посещения Красноярска в 1964 году, дядя Миша (Михаил Андреевич Овсянников) рассказывал о сигнально-оборонительной системе на южном направлении от города. Мы тогда жили на его даче, на левом берегу, у подножья «быка» Караульного, недалеко от впадения в Енисей речки Караулки, в 20 километрах к югу от Красноярска.

Этот «бык» – высокая крутая скала на левом берегу Енисея – был одним из числа подобных скал, быков, находящихся друг от друга в пределах прямой видимости. Когда воинственные племена спускались на своих лодках по Енисею, на каждом из быков поочередно зажигались сигнальные костры, и в Красноярске заранее узнавали о приближении врага.

В самом начале 18 века произошло загадочное историческое событие, о котором я упоминал выше: «... в 1703 г. значительная часть (всего 4000 кибиток) киргизов, самых упорных противников русских, а с ними и некоторая часть их кыштымов⁶⁴... была силой уведена

---

⁶² Под «занятием» этих мест русскими подразумевается их колонизация после во многом таинственного ухода отсюда в начале 18 века воинственных киргизских племен.

⁶³ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3, вып. 2, Л. 1930, с. 530. (по: В. Радлов. Сибирские древности. Материалы по археологии России. №15, СПб, 1894).

⁶⁴ Означает, видимо, союзные, родственные или подчиненные племена (точного значения этого слова мне не удалось найти).

джунгарами⁶⁵ за Саяны и далее в Тянь-шань., после чего оставшиеся на Енисее разноплеменные народные группы, лишившиеся того центра, каким являлся вкрапленный среди них деятельный киргизский элемент, и вследствие этого утратившие связь между собой, каждая в отдельности представляла уже из себя инертную, лишенную способности к энергичному сопротивлению массу; им поэтому и не оставалось уже иного выхода, как перейти от одного господина к другому и покориться русским, что они безропотно и исполнили». ⁶⁶

Эти роковые события позволили решительно ускорить продвижение русских вдоль Енисея к Саянскому хребту. Один за другим на Енисее строятся остроги: «в 1701 г., в 150 верстах выше города Красноярска – Верхне-Караульный, в 1707 г., на правом берегу реки, ниже устья Тубы, где теперь село Абаканское – Абаканский, и в 1709 г., 9 верст ниже нынешней деревни Означенной – Саянский.»⁶⁷

Но тут уважаемый и знаменитый русский путешественник Григорий Ефимович Грум-Гржимайло допустил неточности. Верхнее-Караульный острог был построен лет на 25 раньше (ныне место затоплено Красноярским морем). Саянский острог, о котором мне предстоит ещё подробно рассказать, в связи с уже известным нам важным персонажем моей родословной, построен был не в 1709 году, как пишет Грум-Гржимайло, а значительно позже. И обоснованием под его строительство как раз должна была стать описываемая здесь экспедиция с участием Ивана Нашивошникова.

Но вернемся к той, самой первой, и, как мы теперь знаем – «научной» экспедиции «за Саянский камень». Такое знаменательное событие, как первое организованное путешествие вверх по Енисею, по известному потом несколько столетий «Саянскому коридору»⁶⁸, разрезающему главные саянские хребты, – это событие надолго осталось в памяти его участников и, видимо, многих жителей тогда еще крохотного по нынешним меркам сибирского городка – Красноярска. В 1700 году, незадолго до экспедиции Еремеева и Нашивошникова в Красноярске насчитывалось 400 человек жителей мужского пола.

Прежде чем «дать слово» непосредственным участникам, посмотрим фрагмент первоисточника, на который ссылался Г. Е. Грум-Гржимайло в цитате из начала этой главы:

«Летом 1717⁶⁹ года из Красноярска дети боярские Андрей Еремеев и Иван Нашивошников, с толмачом⁷⁰ и казацким конвоем, на лодках отправлены были вверх по Енисею для разных географических разведок и выбора мест, удобных для постройки крепостей и острогов. По совершении пути своего они, возвратясь в Красноярск...» передали в Канцелярию карту географическую и письменное донесение «обо всем замечательном, виденном ими на Енисее...»⁷¹

И вот, наконец, два отрывка из воспоминаний главных участников событий в той исторической последовательности, в какой они были «задокументированы»:

«1726 году Мая... ⁷²дня в Красноярской воеводской Канцелярии конные казаки Дмитрий Иванов сын Шаров, Иван Григорьев сын Волченков по присяжной должности, под опасением смертной казни, сказали: в прошлом де 716 году посланы они Дмитрий и Иван были с Красноярскими детьми

⁶⁵ Джунгары, или ойраты – народность северо-западной части Китая, предки будущих калмыков.

⁶⁶ Г. Е. Грум-Гржимайло. Там же. С. 529.

⁶⁷ Г. Е. Грум-Гржимайло. Там же. С. 528.

⁶⁸ До злополучной постройки Саяно-Шушенской ГЭС с водохранилищем, затопившим знаменитые енисейские пороги.

⁶⁹ По некоторым свидетельствам (см. далее) – 1716 года.

⁷⁰ Переводчиком.

⁷¹ В. Радлов. Сибирские древности. Материалы по археологии России. №15, СПб, 1894, с. 75.

⁷² Точная дата отсутствует.

боярскими Андреем Еремеевым, Иваном Нашивошниковым да служилыми людьми⁷³ Иваном Волховицким с товарищи вверх по Енисею реке лодками для рисования чертежу...».

Дальше идут подробности, о которых мы поговорим чуть позже, и кончается признание такими словами:

«...а буде они Дмитрий стоварищи в сей скаске сказано ложно и за ложную бы их скаску указала бы Ея Императорское Величество учинить смертную казнь»⁷⁴.

Следующее свидетельство живого очевидца, главного соучастника и нашего героя, дано через 9 лет после предыдущего:

«1735 году Февраля 17 дня города Красноярска Красноярской сын боярской Иван Нашивошников будучи в городе Красноярску господам профессорам⁷⁵ сказал: в прошлом де 717 году по указу блаженныя и вечnodостойныя памяти Его Императорскаго Величества посылан был я⁷⁶ из Красноярска вверх по Енисею реке водяным путем в легких лодках за Саянской камень для проведения порогов и переборов⁷⁷...»⁷⁸

Хорошо бы сразу прояснить, в каком все-таки году было предпринято это путешествие? Иван Нашивошников утверждает, что было это в 1717 году. Но есть признаки того, что у Нашивошникова «не все сходится».

Во-первых, он умалчивает о сыне боярском Андрее Еремееве. А это даже не казак или «служилый» человек, а такой же сын боярский, как и он сам и старше его по возрасту, вероятно, и более влиятельный. В своем признании казаки и участники похода – Шаров и Волченков – называют Еремеева раньше Нашивошникова.

Во-вторых, Нашивошников не дает клятву под страхом смертной казни в правдивости своих слов, как это делали Шаров и Волченков. Он может что-то забыть или в чем-то соврать. Потом казаки свидетельствуют вдвоем, Нашивошников – один. Вероятность, что последний ошибается в указании года экспедиции, гораздо выше.

И наконец, казаки дают свои показания через 10 лет после экспедиции, а Нашивошников – почти через 20. За такой срок можно многое забыть. Поэтому, раз уж не удалось мне поначалу найти других надежных документов и свидетельств, я решил, что первая экспедиция «за Саянский камень» была совершена или начата весной или летом 1716 года. И каково было моё удивление, что этот предварительный вывод о сроках экспедиции оказался на удивление точным.

По прошествии нескольких лет в одной из книг Г.Ф.Быкони (со ссылками на архивные документы) я нахожу следующие сведения:

---

⁷³ Очевидно, имеются ввиду служилые люди «по прибору», набравшиеся из крестьян и посадских людей, в отличие от служилых людей «по отчеству» (бояр, дворян, детей боярских), а также казаков, несших, в основном, пограничную службу (см. Советский энциклопедический словарь. М., 1989, с. 1238).

⁷⁴ В. Радлов. Там же, с. 76. Это признание Шарова и Волченкова, а также следующее свидетельство Нашивошникова являются фрагментами «подлинных документов из архива Красноярской канцелярии». К величайшему нашему сожалению все архивы города Красноярска сгорели во время пожара 1881 года, поэтому ни эти, ни многие другие интересующие нас сведения проверить и найти уже невозможно!

⁷⁵ Имеются ввиду Герард Фридрих МИЛЛЕР (1705—83), историк, и Иоганн Георг ГМЕЛИН (1709—55), натуралист. Оба немцы по происхождению, члены Петербургской АН, в 1733—43 путешествовали по Сибири. Из их трудов В. Радлов почерпнул большую часть приводимой здесь информации.

⁷⁶ Иван Нашивошников не присягал, как его спутники-казаки «под опасением смертной казни» и, наверное, поэтому «скромно умолчал» о своем компаньоне Андрее Еремееве.

⁷⁷ Мелкие места, броды.

⁷⁸ В. Радлов. Там же, с. 78.

«...в Красноярской воеводской канцелярии хранились два указа за апрель 1716 г. и указ от 6 июня 1717 г., которые свидетельствуют, что Пётр Первый и сибирский губернатор М.П.Гагарин в 1715—1716 гг. предписывали комендантам Козлову и Зубову тщательно обследовать русло Енисея в Саянах, „провесть про реку Кандарь“ и наметить места под два острога: „город рубленный или земляной“ вблизи Саян и город за „Камнем“ в устье реки „Кемь“ (Хемчик)»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.